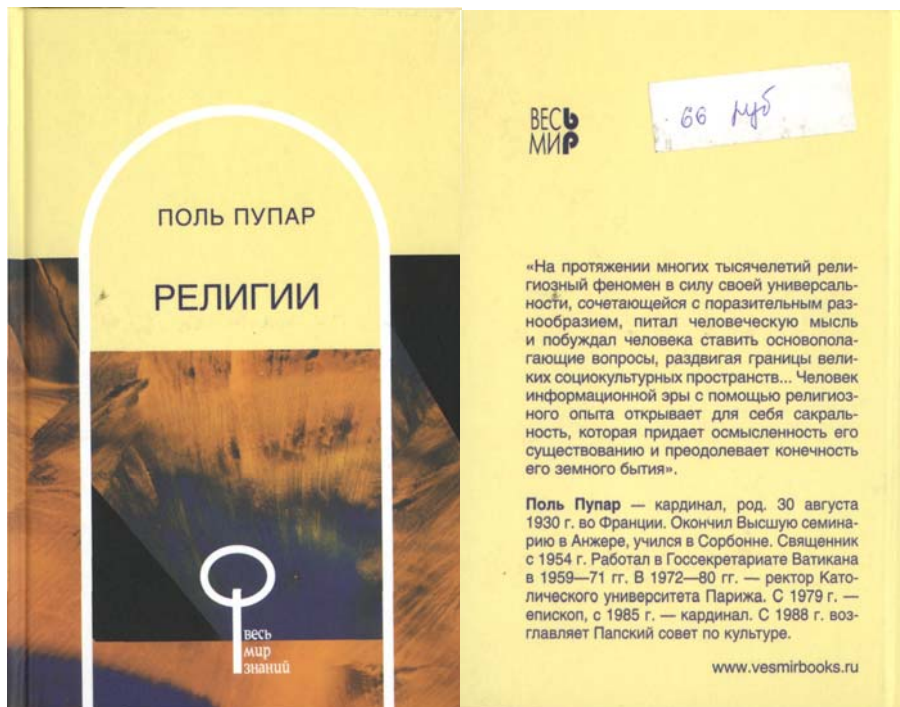

Сканирование и форматирование: Янко Слава (Библиотека Fort/Da) || slavaaa@yandex.ru || yanko_slava@yahoo.com || <http://yanko.lib.ru> || Icq# 75088656 || Библиотека: <http://yanko.lib.ru/gum.html> ||
update 26.10.05

ПОЛЬ ПУПАР РЕЛИГИИ

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВСЕ МИР» 2003

ВСЕ МИР ЗНАНИЙ - широкая по тематике образовательная серия. Авторы - ведущие отечественные и зарубежные ученые - дают ключ к пониманию проблем современной науки. Доступные, увлекательные тексты рассчитаны на самую широкую аудиторию и в первую очередь на тех, кто учится и учит.

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

В. Агеев СЕМИОТИКА
А. Андреев ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ
К. Бек ИСТОРИЯ ВЕНЕЦИИ
Д. Кеон БУДДИЗМ
Х. Клаут ИСТОРИЯ ЛОНДОНА
К. Кнотт ИНДУИЗМ
И. Комбо ИСТОРИЯ ПАРИЖА
Н. Короновский НАША ПЛАНЕТА ЗЕМЛЯ
Е. Кравченко МАКС ВЕБЕР
Д. Кристал АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ
А. Никифоров ЛОГИКА
Э. Тевено ИСТОРИЯ ГАЛЛОВ
К. Фараджев РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ
М. Федорова КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ
Э. Фромм ФРЕЙД
Д. Харитонович МАСОНСТВО
Л. Хахалин ПЕДИАТРИЯ
ГОТОВЯТСЯ К ВЫПУСКУ:
Э. Кормышева ЦИВИЛИЗАЦИЯ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА
М. Ур-Мьедан КАРФАГЕН
П. Фор ВОЗРОЖДЕНИЕ

УДК 2

ББК86.2

Пу 88

Перевод с французского *Е.Д. Мурашкинцевой*

Научный редактор д.и.н. *Е.С. Токарева*

Редактор *И. Б. Зорько*

Пупар Поль

Пу 88 Религии / Пер. с франц. - М.: Издательство «Весь Мир», 2003. - 144 с. - (Весь Мир Знаний).

ISBN 5-7777-0218-X

В основе предлагаемой вниманию читателей книги — материалы, вошедшие в фундаментальный «Словарь религий», изданный под непосредственным руководством кардинала Поля Пупара. Его личность, духовный сан, конечно, наложили отпечаток на книгу, в которой рассматривается феномен человека религиозного (*Homo religiosus*), по сути отождествляемого с человеком разумным (*Homo sapiens*). Исследование этого феномена тесно увязано с историей религий с древнейших времен и до наших дней. Такой подход к изучению религии, безусловно, правомерен и будет воспринят не только людьми, истинно верующими, но и всеми, кого интересуют проблемы религиоведения и роль религии в развитии цивилизаций.

Перевод книги осуществлен по 7-му изданию, вышедшему в Presses Universitaires de France в 2000 г.

под названием Paul Poupard. *Les religions*.

УДК 2 ББК 86.2

!Весь Мир Знаний" — зарегистрированный торговый знак Издательства «Весь Мир» (№ 180520 от 8.10.1999)

ISBN 5-7777-0218-X

© Presses Universitaires de France, 198/ © Перевод на русский язык, оформление -Издательство «Весь Мир», 2002

Электронное оглавление

Электронное оглавление	3
Введение	5
Глава I. «ОТКРЫТИЕ» РЕЛИГИЙ*	7
СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РЕЛИГИЙ	7
ВКЛАД Ж. ДЮМЕЗИЛЯ	7
ТРУДЫ М. ЭЛИАДЕ	7
РЕЛИГИОЗНЫЙ ОПЫТ	8
АБСОЛЮТ	8
МИСТИКИ	9
Глава 2. «НОМО RELIGIOSUS»*	10
ВКЛАД 19 ВЕКА	10
ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА «НОМО RELIGIOSUS» В 20 В.	10
Натан Зёдерблом (1866-1931)	10
Рудольфу Отто (1869-1937)	11
«НОМО RELIGIOSUS» И ПЕРЕЖИТЫЙ ОПЫТ	11
Герард ван дер Леув (1890-1950)	11
«НОМО RELIGIOSUS» - ЧЕЛОВЕК ОДНОВРЕМЕННО ИСТОРИЧЕСКИЙ И ТРАНСИСТОРИЧЕСКИЙ	12
«НОМО RELIGIOSUS»: ОПЫТ САКРАЛЬНОГО	12
СИМВОЛЫ, МИФЫ И ОБРЯДЫ	13
Глава 3. ДРЕВНИЕ РЕЛИГИИ	14
РЕЛИГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОЛИТА*	14
РЕЛИГИЯ ЭПОХИ МЕЗОЛИТА И НЕОЛИТА*	14
БОЖЕСТВО ХЕТТОВ*	15
РЕЛИГИЯ ЕГИПТА*	16
1. Мир богов.	16
2. Египетский монотеизм.	17
РЕЛИГИЯ АНТИЧНОЙ ГРЕЦИИ*	17
1. По всему вижу я, что вы как бы особенно набожны.	18
2. Концепция божества.	18
РЕЛИГИЯ РИМА*	19
1. Религиозная антропология.	19
2. Концептуализированная теология.	19
3. Антропоцентрическое видение.	20
РЕЛИГИЯ ЭТРУСКОВ*	21
КЕЛЬТЫ, ГЕРМАНЦЫ, СЛАВЯНЕ*	21
1. Кельты и кельто-римляне.	21
2. Германцы.	22
3. Славяне.	24
РЕЛИГИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ*	24
1. Космология.	25
2. Время и предопределение.	25
3. Политеизм,	25
4. Амбивалентность богов,	25
5. Обряды.	25
6. Синкретизм.	25
ГНОСТИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ	25
Глава 4. РЕЛИГИИ АЗИИ, АФРИКИ, АВСТРАЛИИ	27
ИНДУИЗМ*	27
1. Происхождение феномена индуистской религии.	27
2. Индуистские божества.	27
3. Божественное в индуизме.	28
БУДДИЗМ*	28
1. Происхождение.	28
2. Божества и спасение в буддизме.	28
ДАОСИЗМ*	29
1. Путь. Дао.	29
2. Поиски Долгой Жизни.	30
РЕЛИГИИ ЧЕРНОЙ АФРИКИ'	30

1. Единство жизни.	30
4. Духи и демоны.	31
5. Обряды.	32
РЕЛИГИИ АВСТРАЛИИ*	32
Глава 5. СЕМЯ АВРААМА.....	34
ЕВРЕЙСКАЯ РЕЛИГИЯ*	34
1. Один и Единственный.	34
2. Бог человека.	34
3. Бог жизненной силы.	34
4. Бог-отец, Бог отца, Бог отцов.	35
5. YHWH — «нравственный Бог», ибо он.....	35
ХРИСТИАНСКАЯ РЕЛИГИЯ*	35
1. «Разделяющий» догмат.	35
2. «Соединяющий» догмат.....	36
3. Познание тайны Бога и Иисуса Христа.	36
4. Церковь.....	37
МУСУЛЬМАНСКАЯ РЕЛИГИЯ*	38
1. Ислам и его цивилизаторская миссия.	38
2. Ислам и его религиозная миссия.....	38
Заключение. СПАСЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА И БУДУЩЕЕ РЕЛИГИИ.....	40
СПАСЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА	40
ЕДИНЕНИЕ И ПРИМИРЕНИЕ	40
БУДУЩЕЕ РЕЛИГИИ	41
БИБЛИОГРАФИЯ	43
Литература на русском языке.....	44
ОГЛАВЛЕНИЕ.....	45

Введение

В своем монументальном труде «История верований и религиозных идей» Мирча Элиаде доказывает постоянное присутствие религиозного феномена, его единую основу и неисчерпаемую новизну выражения. Примитивный миф, детская вера в одинаковый для всех народов планомерный прогресс, по ходу которого *homo sapiens* (человек разумный) вытесняет *homo religiosus* (человека религиозного), наивный эволюционизм — подобные упрощенные представления отжили свое. Это признает историк Тойнби: вплоть до наших дней не появилось ни одной великой цивилизации, которая не была бы религиозной. Ибо человек есть прежде всего *homo religiosus*. Он всегда жаждет духовности и веры в мир потусторонний, тесно связанных с верой в этот мир (Жорж Фридман).

На протяжении многих тысячелетий религиозный феномен в силу своей универсальности, сочетающейся с поразительным разнообразием, питал человеческую мысль и побуждал человека ставить основополагающие вопросы, раздвигая границы великих социокультурных пространств. В своем документе

5

«О взаимоотношениях с нехристианскими церквями» II Ватиканский собор так формулирует этот основополагающий вопрос:

«Люди хотят найти в различных религиях ответ на связанные с загадкой человеческого существования тайны, которые сегодня, как и вчера, продолжают тревожить сердца людей: Что такое человек? В чем смысл и цель жизни? Что есть благо и что есть грех? В чем истоки и причина страданий? Каким путем можно достичь истинного счастья? Что такое смерть, суд и воздаяние после смерти? В чем, наконец, состоит высшая и неизреченная тайна нашего существования, откуда ведем мы происхождение свое и к кому устремляемся? С самых давних времен до сегодняшнего дня отдельные народы проявляли особую восприимчивость к этой сокрытой силе, которая присутствует в ходе вещей и событий человеческой жизни, — доходя до признания Высшего Божества или Отца. Благодаря такой восприимчивости и такому признанию жизнь их проникнута глубоким религиозным чувством. Что же касается религий, связанных с прогрессом культуры, они пытаются ответить на те же вопросы с помощью более изощренных понятий и более развитого языка».

Устремление к Богу запечатлено в человеческом сердце. В нем одном находит он истину и счастье, к которым вечно стремится, зародыш вечности, который несет в себе самом — не принадлежащем одному только материальному миру и открытому для бесконечности. *Homo religiosus* - «человек, бесконечно превосходящий человека» (Паскаль). Он неустанно любит Бога: «Ты создал нас для Себя, и не знает покоя сердце наше, пока не упокоится в Тебе» (Августин Аврелий. Исповедь).

«От каменного века до термоядерной эры, претерпевая удивительные изменения и многообразные метаморфозы, религия продолжает существовать

6

в неразрывной связи с человеческим разумом, с мировой культурой. ...полноводной становится река религии» (Александр Мень. Истоки религии). Многочисленны притоки ее, бесчисленны ее проявления.

Словарь религий, опубликованный мною при содействии 200 специалистов, исследователей религий Древнего мира, Библии и иудаизма, христианства и его истории, существующих и поныне религий Африки, Азии и Океании, состоит из расположенных в алфавитном порядке статей, посвященных религиям, которые с древнейшего периода до наших дней оказывают влияние на интеллектуальную и духовную эволюцию человечества. В данном издании эта информация воспроизведена в сжатой форме.

Сейчас религиозный феномен приобретает все большую актуальность. Пережив эпопею сциентизма, превратности материализма, давление секуляризации, распространение индифферентизма вследствие утраты интереса к сакральному, религия триумфально возвращается, о чем свидетельствует как возникновение множества сект, так и рост харизматических течений. Бог вновь процветает в самом центре мирских городов. Секуляризированные общества не могут устоять перед влечением к нему. Сила его вновь толкает людей на поиски любви и справедливости, истины и свободы. *Homo religiosus* присутствует не только в Древнем мире (палеолит, неолит, хетты, египтяне, греки, римляне, этруски, кельты, германцы, славяне, обитатели Центральной Америки). Он находится в центре великих религий Азии (индуизм,

7

буддизм, даосизм), Африки и Австралии. Он живет страстной верой в каждой из трех религий, которые берут начало от Авраама: иудейской, христианской, мусульманской.

«Разочарованная» (М. Вебер) современность, которая отнюдь не сопровождается, как считали многие, прогрессирующим угасанием религиозного чувства, пытается найти новые основания для надежды, невзирая на возрастающий разрыв между бесконечными желаниями человека и конечностью его существования, страстным стремлением к счастью и неизбежностью страданий, жадной жизни и неотвратимостью смерти. На рубеже 17—18 вв. Ламенне с тревогой писал: «Самый больной век не тот, что впадает в заблуждения, но тот, который не уважает, презирает истину». Однако молодой Виктор Гюго уже ответил ему в предисловии к «Одам и балладам» (1824): «Следует повторять вновь и вновь, что тревожит умы не потребность в новизне, а потребность в истине. И потребность эта безгранична». Сейчас мы можем добавить: столь же безгранична потребность в счастье. Стремление к счастью определяет как ход истории, так и существование каждого индивида. И на плодородной почве человеческого опыта произросли поразительно многочисленные религии — в ответ на это желание счастья, на эту потребность в спасении, на эти поиски надежды. «Будущее принадлежит тем, кто сумеет дать грядущим поколениям основания жить и надеяться» (II Ватиканский собор). Атеистический марксизм-ленинизм, обладавший всеми средствами современной тоталитарной влас-

8

ти, стремился истребить веру в человеческом сердце и христианство в обществе. Его попытка создать мир без Бога привела к появлению бесчеловечного мира. Крушение последнего заставило многих вновь признать необходимость Бога для человека.

В поисках внутреннего единства и счастья, общения и примирения, мудрости и спасения человек информационной эры, подобно пещерному человеку, открывает в религиозном опыте сакральное, которое лежит в основе его существования, преодолевает конечность этого существования и завершает свою земную одиссею в надежной гавани вечного будущего.

Глава I. «ОТКРЫТИЕ» РЕЛИГИЙ*

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РЕЛИГИЙ

Сразу же после завоеваний Александра греки стали творчески усваивать восточные религии, и это можно считать первой попыткой религиозного компаративизма. С тех пор значение религиозного фактора в жизни народов, равно как полиморфный характер его проявлений в различных цивилизациях, выражается в очевидной или скрытой константе осмысления божественного и порождает многочисленные интерпретации. Но если структуры рефлексии и религиозной жизни погружены в метаисторию, то история религий являет собой прежде всего исследование религии в контексте исторического и культурного прошлого. Согласно формуле У. Бьянки, «история религий занимается эволюцией фактов, феноменология религий - структурами». Таким образом, компаративизм отнюдь не должен сводить все религиозные верования *ad unum* (лат. — к одному). Этой опасности не смогли избежать те исследователи, ко-

* Жюльен Риес и Мишель Делаутр.

11

торые утверждали, что посредством компаративистского анализа можно определить некий зачаточный минимум (Тейлор, Дюркгейм, Мосс, Леви-Брюль), или - другая крайность - те, кто считают чувство сакрального последним и высшим элементом религиозного опыта, выделяя даже *Una sancta religio* (лат. — священная единица религий) (Хайлер).

ВКЛАД Ж. ДЮМЕЗИЛЯ

Разработанный Ж. Дюмезилем метод генетического компаративизма привел к обновлению сравнительных исследований в истории религий. Приняв за исходную точку отсчета индоевропейский материал, собранный компаративистами 19 в. (особенно М. Мюллером и Дж. Фрейзером), Дюмезиль использует открытый Ж. Вандриесом метод языковых соответствий и вскоре приходит к выводу, что следует отказаться от ономастического компаративизма и развивать компаративизм концептуальный. Делая акцент на понятии «структура», он подвергает компаративистскому анализу весь индоевропейский комплекс: теологию, социологию, символику, мифологию, литературу. Изучая оставленные индоевропейцами 3—2-го тысячелетий свидетельства, Дюмезиль сравнивает религиозные и институциональные свидетельства, мифы и ритуалы в их взаимосвязи и логическом значении. Он уделяет особое внимание языку - основополагающему средству общения любой человеческой группы. Сохранение языка в качестве фактора социальной организации свиде-

12

тельству об устойчивости важных элементов древней системы мышления: речь идет о религии, теологии и идеологии. Дюмезиль не занимается поиском прототипов, как в типологии: его интересует система - структуры цивилизации и религии. Компаративистское исследование приводит к герменевтике, т.е. объяснению смысла теологии и идеологии древних индоевропейцев. Он стремится показать сложившуюся у индоевропейцев цельную и логичную картину тех реальностей, которые составляли их мир, общество, космос. Подобный метод дает невиданные возможности для сравнительной истории религий. Поле исследования расширяется, охватывая всю индоевропейскую цивилизацию и ее реликты. Мифы занимают особое место в мыслительном комплексе и его структурах. Сравнительная мифология становится вспомогательным инструментом при изучении истории религий. Метод Дюмезиля предполагает использование данных истории, археологии, филологии. Этот метод генетической компаративистики привел к открытию трехчленной идеологии и теологии, основанной на гармоничной взаимосвязи и иерархии трех важнейших функций - магической и юридической верховной власти; физической силы, потребной для войны; изобилия, подчиненного двум первым, но необходимого для их расцвета*. Трехчленная теология и функциональная идеология сохранились у всех индоевропейских народов как наследие их общих предков. В этой рели-

* В отечественной научной литературе обычно используются следующие наименования трех функций, открытых Ж. Дюмезилем: жреческая, военная и хозяйственная. - Примеч. перев.

13

гиозной философии центральное место занимает теология, или дискурс о богах.

ТРУДЫ М. ЭЛИАДЕ

Аналогичные воззрения на сравнительные исследования в истории религий лежат в основе трудов М. Элиаде. Ученый полагает, что в сфере изучения религий прежде всего следует обращаться к истории, поскольку религиозный феномен не существует вне исторического контекста. Исторический подход предполагает использование материалов, собранных специалистами. Затем наступает очередь феноменологии, которая должна определить религиозный феномен в его изначальной и неизменной форме. Большое значение при этом имеет изучение обрядов - главного элемента религиозного опыта, носителем которого является *homo religiosus*. Исследователь религий рассматривает сакральное прошлое как исторический документ благодаря свидетельству *человека религиозного*. После исторического анализа, который завершается морфологией сакрального, после феноменологического анализа, который ведет к типологии и выходит за ее пределы, компаративистское исследование дает возможность приступить к

третьей фазе анализа - герменевтике. Обладающий историческим значением религиозный феномен имеет также трансторическое значение, которое исследователь религий осмысляет путем сравнения сотен или тысяч аналогичных или сходных феноменов. Чтобы раскрыть их суть, нужно прибег-

14

нуть к компаративному методу. Первый герменевтический путь состоит в изучении верований *человека религиозного*. Уяснить их помогают мифы и символы. Элиаде особо подчеркивал значение мифа для древнего человека. Но он считает, что в истории религий есть и второй герменевтический путь, который начинается со следующего вопроса: имеет ли сакральное прошлое смысл для современного человека? Сам исследователь отвечает на этот вопрос утвердительно. По его мнению, определенные ценности сохраняют свое значение в религиозной мысли многих народов.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ОПЫТ

В отличие от того, что в религиях переживается чисто формально, осознается вовне или анализируется при помощи сугубо рациональных методов, религиозный опыт реализуется непосредственно, переживается изнутри при полном отсутствии любого анализа и всякого разумного объяснения. Это неосознанный ответ конкретного человека, который находится — в силу принадлежности к той или иной религии — перед лицом тайны или таинственной силы.

В сущности, нельзя говорить об одном религиозном опыте, поскольку их существует множество. Каждый религиозный феномен представляет собой опыт *sui generis* (лат. — своего рода), рожденный встречей *человека религиозного* с сакральным. Каждая религия поощряет один или несколько видов религиозного опыта, одновременно скрывая или запрещая другие.

15

Ввиду такого разнообразия уже в прошлом веке встал вопрос о сущности религии или ее основе. Существует ли особая структура религиозного опыта? Или речь идет о некой разновидности социального (Э. Дюркгейм)? О некой форме восприимчивости к основополагающей категории сакрального (Р. Кайуа) или номинального, трансцендентального и неизреченного (Р. Отто)? Быть может, имеется в виду символическая связь с трансцендентальным посредством обрядов (М. Элиаде)? Вплоть до настоящего времени ни одному исследователю - и все они это сознают - не удалось дать определение, которое учитывало бы всю полноту и разнообразие религиозного опыта.

В сфере исследования религиозных феноменов это привело к ряду практических выводов. С одной стороны, поскольку любой из них - феномен человеческий, открытый для трансцендентального, но глубоко укорененный в определенной культуре, его можно изучать на основе истории, социологии, этнологии, психологии подсознания, антропологии и т.д. Однако самым продуктивным методом является, без всякого сомнения, феноменология — наука, осмысляющая религиозные феномены и значение пережитого человеком опыта (Г. ван дер Леув).

С другой стороны, изучение религиозных феноменов всегда предполагает наличие некоего желания, т.е. способности принять участие в данном конкретном опыте, ощутив во многом сходные чувства и осознав то значение, какое придает ему религиозный человек в этой ситуации. Общение с людьми, принадлежащими к той или иной рели-

16

гии, даже необходимо, поскольку оно часто дает нам больше, чем абстрактные или лирические рассуждения. Пребывание рядом с Наставником или в каком-нибудь сообществе еще более желательно, чтобы проникнуть в состояние духа его членов. Некоторые исследователи - такие, как Р. Паниккар — утверждают, что встреча религий и, следовательно, людей верующих является сама по себе религиозным опытом, который нужно таким и переживать. Лучший способ подготовиться к подобной встрече - это не вымученный отказ от своих убеждений, но, напротив, полное погружение в собственную религию.

Даже мистический опыт - несомненно, самый глубокий из всех, поскольку приобщение к тайне реализуется за пределами зримых или ощутимых форм, - никогда не теряет связи со своей религией и может быть изучен в соответствующем культурном, социальном, религиозном и особенно философско-метафизическом аспекте. Как подчеркивает С. Радхакришнан, в определенном смысле религии Азии - даосизм, индуизм и буддизм - уделяют больше внимания субъекту, чем объекту, и, следовательно, опыту: они позиционируют себя как путь, который должен быть пройден — освоен собственным опытом. Однако не следует забывать -М. Элиаде часто об этом напоминает, - что христианская религия также является опытом *sui generis*. Где бы ни вступал *homo religiosus* в контакт с сакральным, божественным или трансцендентальным, образуется специфический религиозный опыт, осмыслить всю глубину которого должна история

17

религий. Приведем высказывание В. Шмидта, которое английский антрополог Эванс-Притчард повторил на последних страницах своего труда по религиозной этнологии (*Theories of Primitive Religions*, 1965): «Нет сомнения, что лучше всего поймет сущность религии тот, в чьем сознании сыграет свою роль религиозный опыт. Ведь неверующий говорит о религии, как слепой - о цветах или глухой - о прекрасной музыке. Не стоит слишком опасаться этого».

АБСОЛЮТ

Любая религия в той или иной степени предполагает поиск Абсолюта — безотносительного, безусловного,

нераздельного, абстрактного и в конечном счете непознаваемого. Свободный от любой зависимости, перемены, редукции Абсолют всегда осмысливается позитивным образом: единственный, простой, чистое Существо, чистое Знание, Истина, Дух. Философы определяют Абсолют как основу без основы, Вещь в себе, Чистое деяние (Аристотель), Единое (Плотин), безличный брахман *Упанишад* и *Веданты*, *Шуньята* (Пустота) буддистских школ и т.д. Иногда они настолько возвышают идею Абсолюта — Единственной Реальности, достойной этого имени, — что доходят до отрицания реальности во всем относительном, обусловленном и т.п. Логическим следствием этого является и отрицание религии. Для Шанкары мир есть майя, ложное подобие реальности или, как часто переводят, иллюзия. Философы склонны также использовать только язык отрицания

18

или апопатетики. Они не признают его личного характера, поскольку личность может существовать лишь среди других личностей, Абсолют же по определению ни от чего не зависит.

В различных религиях его называют Яхве, Господь, Бог, Аллах или дают ему эпитет, более близкий опыту *человека религиозного*: Благой (Шива), Всеобъемлющий (Вишну) и т.п. Абсолют и Бог — одна и та же реальность, поскольку ни философы, ни религии не смогли бы смириться с другой реальностью. Но это реальность, увиденная и осмысленная по-разному: в одном случае путем философского умозрения, в другом — путем преклонения и поиска людей. В религиях Абсолют уже не безличен — это Бог. Лик его обращен к человеку: он Бог Авраама, Исаака, Иакова, Иисуса, Мухаммеда и т.д. В индуизме он — Ишвара, Господь, личное воплощение брахмана. В буддистской философской системе мадхьямика это Татхагата — персонифицированное воплощение *Шуньяты*.

МИСТИКИ

В различных религиях именно мистикам присуще большее осознание Абсолюта, ибо призвание их — выходить за рамки статуса человека, погружаясь в глубины Абсолюта, который они продолжают называть Яхве, Богом и т.д.

Сначала появилось простое прилагательное, обозначающее нечто тайное или имеющее отношение к тайне, но с 17 в. оно стало применяться либо

19

к области таинственных явлений - мистике, либо к тем, кто переживает опыт таинственного, - отсюда мистики. Общим для всех являются мистические состояния. Сравнительное исследование религий позволяет выделить - в том, что касается природы «непосредственно» осмысливаемой реальности, - мистику имманентного и мистику трансцендентального. В первом случае (многочисленные индусские мистики) реальность — не что иное, как сам субъект в его бездонных глубинах, открытый им атман, познанный высшим опытом, который есть нирвикальпа самадхи, сосредоточенность в самом себе, экстаза без всякого различения субъекта и объекта, и, следовательно, опыт, не вызывающий «ни к какой другой модальности познания, ни к какому иному средству, кроме самого опыта» (О. Лакомб). Во втором случае — мистики трансцендентального (иудаисты, христиане, мусульмане) — опыт достигает вершины внутри, а не вовне или за пределами теологической веры. Высшая реальность осмысливается как трансцендентальность, возвышающая субъект до себя. Носитель духовного начала задается вопросом, является ли эта реальность, с которой он совпадает, трансцендентальной причиной всего сущего или же она — всего лишь отражение земного. В последнем случае между субъектом и Абсолютом возникает духовная связь, которой трудно дать определение: острие души, тайное углубление сердца, необыкновенная интуиция, место, где находится человеческий субъект и где одновременно проявляется присутствие Бога, дуновение его Духа.

20

Во всех случаях мистики настаивают на том, что подобный опыт реализуется мгновенно и спонтанно, но при этом сохраняется на протяжении всей жизни. Этот опыт есть состояние экстаза, выход за собственные пределы или утрата себя самого, внезапное вторжение Абсолюта.

Религии невозможно свести к мистике, и тем более нельзя сказать, что религии обретают ценность благодаря существованию мистиков. Но можно допустить, что мистики наилучшим образом используют возможности объединения, которые предоставляют им различные религии. Они служат живым щитом, преграждающим впадение религий и догматов в дуализм, ересь, формализм, доктринерство, фидеизм или идолопоклонничество. В сегодняшнем контексте встречи религий их свидетельства чрезвычайно значимы.

Глава 2. «НОМО RELIGIOSUS»*

ВКЛАД 19 ВЕКА

Девятнадцатый век — великое столетие открытия культурного и религиозного наследия человечества. Это открытие привело к созданию новых дисциплин. Египтология расшифровывает иероглифы и проникает в религиозную мысль человека с берегов Нила. Ассириология разгадывает тайны месопотамских табличек и творит образ человека Шумера, Ассирии и Вавилона. Индология изучает индийские тексты и знакомит нас с философией индуизма и буддизма. Сначала через язык фарси, затем благодаря все более многочисленным археологическим находкам перед нами возникает Древний Иран, и мы знакомимся с маздеистским человеком. Около середины 19 в. земля, скрывавшая свои тайны на протяжении тысячелетий, предоставляет нам возможность установить облик человека. Вскоре начинают вырисовываться черты первобытных людей — доисторических *homo faber* и *homo sapiens*.

* Жюльен Риес.

23

Вследствие колонизаторской деятельности многих стран нам становится ближе человек без письменности, обитающий в Азии, Австралии, Африке, Америке.

Почти не принимая в расчет этого необыкновенного религиозного наследия, некоторые философские системы 19 в. вступают на обходной путь. Позитивизм отворачивается от истории, но позиционирует себя как религию современного человека. Разработав органическую теорию развития общества, основанную на биологической схеме происхождения видов, эволюционисты пытаются объяснить религию с точки зрения исходных свидетельств — тотем, *мана*, предки, умершие, духи. Затем появляются доктрины Л. Фейербаха и К. Маркса — религиозный человек осмысливается с точки зрения отчуждения: нормальный человек это нерелигиозный человек.

В 19 в. возникает еще одно течение. В основе его лежат концепции Ф. Крейцера (1771-1858) и И. Гёрреса (1776—1848). Изучая мифы азиатских народов, эти ученые уделяют особое внимание религиозному чувству и языку символов, которым пользуется человек в своем религиозном опыте. Течение набирало силу благодаря возрождению философской системы Дж. Вико (1668-1744), работам Ф. Шеллинга (1775-1854) и влиянию романтической мысли на историю религий. Открытие религиозного наследия предоставило исследователям множество письменных источников, оставленных человеком религиозным. Следуя традициям филологических школ и используя новую дисциплину

24

(компаративную грамматику), Ф.М. Мюллер обращается к проблеме происхождения человечества. Основатель компаративной религии предоставляет слово самому человеку: открывает в его языке интуитивную идею Бога, ощущение собственной слабости, универсальную веру в охраняющее мир Провидение, нравственное чувство, позволяющее различать добро и зло.

В последние два десятилетия 19 в., когда происходит столкновение различных школ, методов исследования и даже идеологий, историки религий все более и более сосредотачиваются на изучении религиозного феномена человечества. Они стремятся объяснить происхождение верований, жесты и язык верующих, а также поведение приверженцев различных конфессий. Все более четкие черты приобретает понятие человека религиозного. Так называемые исторические школы проявляют интерес не столько к человеку, сколько к оставленным им свидетельствам: священным книгам, молитвам и литургиям, церквям и храмам, статуям и предметам культа. Используя различные элементы позитивистских и эволюционистских теорий, социологические и этнологические школы пытаются объяснить происхождение и основные черты человека религиозного. Они считают его продуктом общества: его идеи, поступки и поведение осмысливаются исключительно в контексте его отношений с обществом. Однако некоторые историки религий — особенно в Голландии — ставят в центр исследований сам религиозный феномен, стараясь понять его в специфическом контексте человеческой жизни.

25

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА «НОМО RELIGIOSUS» В 20 В.

Натан Зёдерблом (1866-1931)

Натан Зёдерблом (1866-1931) стремится осмыслить опыт божественного, переживаемый человеком в различных религиях. Древний человек открывает некую силу, называемую *мана*, которая не является ни анонимной, ни безличной, ни коллективной. Он понимает ее как некую духовную силу, динамика которой влияет на его поведение. Открыв ее, первобытный человек осознает существование реальности, превосходящей земной мир: так зарождается ощущение божественного. Мы не можем считать это изначальным монотеизмом. Первобытный человек открывает не первопричину сущего, а необычную реальность: он сознает присутствие Сверхъестественных существ, обладающих волей. У человека возникает чувство сакрального, которое приводит его к осознанию существования Бога.

Именно в соприкосновении с сакральным, которое осмысливается как некая сила духовного свойства, у человека появляется чувство божественного. Благодаря некоторым историческим фактам можно проследить этот путь. В Индии сакральное есть источник мистического, основа спасения и объяснения мира — Брахман. В классических текстах Китая говорится о Шан-ди, Верховном Небес-

ном Владыке и Творце мира. В авестийских текстах Ирана слово *hvarenah* - мощь, величие - используется для характеристики Ахурамазды и занимает центральное место в маздеистском культе. Зёдер-

26

блом считает, что человек религиозный раскрывается историей человечества: он сам входит в контакт с сакральным и осознает существование Трансцендентального.

Рудольфу Отто (1869-1937)

Рудольфу Отто (1869-1937) принадлежит первая попытка проникнуть в психологию этого человека. В своем труде (*Le sacré*, 1917) он выделяет два типа: с одной стороны, человек естественный, который не понимает смысла спасения; с другой - человек «духа», познавший некое просветление, которое позволяет ему открыть ценности, неведомые человеку естественному. Просветлённый человек, первооткрыватель сакральных ценностей, стоит в центре религиозной истории человечества. По мнению Отто, такой человек открывает «некий элемент совершенно особой ценности, ускользающей из-под власти всего, что получило название рационального... и представляющей... нечто неизреченное» (*Le sacré*, 19). Это жизненный принцип, присущий самым глубинным пластам всех религий, всех понятий о могущественном и божественном. Посредством символики и мистики человек духа открывает и осмысляет могущество высших сил. На этом пути первым психологическим этапом является ощущение сотворенности, которое рождает в человеке чувство зависимости. Второй этап - *tremendum* (лат. - ощущение трепета), религиозное чувство, которое лежит в основе аскезы, героической жизни, ревностного служения перед лицом живого Бога. Третий этап —

27

mysterium (лат. - ощущение тайны), восприятие могущественных сил совершенно иными: это *anyad Eva* в Упанишадах, *nihil* у мистиков, *Shunyata* буддистов; а также главный элемент всех литургий. Четвертый этап - *fascinans* (лат. - ощущение очарования) ощущение религиозного блаженства, подлинный опыт тайны.

Переживая эти четыре психологических этапа, человек религиозный открывает, что и обладает и не обладает ценностью. Человек естественный не имеет понятия о мирском, тогда как человек религиозный различает то, чего коснулась и чего не коснулась высшая сила. Открыв ценность высших сил, он постигает понятия ответственности, греха, подчинения и служения, необходимость искупления, умиловления и заступничества.

Постепенное выявление элементов могущества высших сил происходит через различные факты, деятелей, события истории человечества. Это знаки сакрального: они составляют религиозную сокровищницу человечества. Человек религиозный одарен способностью созерцания и обретает интуитивное видение мира, в котором открывается ему духовная история человечества. Этой способностью к прозрению одарены прежде всего такие истинные чтецы знаков могущества, как пророки - основатели и вдохновители религий. Каждый пророк представляет собой высшее проявление человека религиозного. По мнению Отто, среди них уникальное место занимает один из чтецов сакрального — человек религиозный по преимуществу, Сын, Иисус Христос.

28

«НОМО RELIGIOSUS» И ПЕРЕЖИТЫЙ ОПЫТ

Герард ван дер Леув (1890-1950)

Герард ван дер Леув (1890-1950) стремился осмыслить пережитый человеком религиозный опыт, а также свидетельства такого опыта. Религия имеет два лика: лик тайны и лик пережитого человеком опыта, ответ человека лику тайны. Именно в этой встрече человека с высшей силой, с «удивительной иной реальностью» заключено предрекаемое религиями спасение: смысл жизни, приумножение жизни, обретение новой жизни. Человек определяет свое поведение или меняет его в зависимости от опыта, обретенного перед лицом таинственной силы. Между человеком и этой силой формируются отношения, обуславливающие его поведение. Историк религий устанавливает факты и материальные свидетельства: он описывает и определяет их место в культурном наследии человечества. Феноменология совершает экзегезу этих документов, чтобы понять и найти их смысл применительно к человеку религиозному, находящемуся в центре исследования. Если Отто уделял особое внимание человеку религиозному как психологическому типу, то ван дер Леува более интересовало его поведение.

Человек находится в присутствии существа или объекта, выходящего за рамки обычного и наделенного некой силой. Он дал ей имена: *мана* - у меланезийцев, *ваконда* - у сиу, *оренда* - у ирокезов, *барака* - у арабов, *дао* - у китайцев. Человек увидел эту силу в действии; удостоверился, что она влияет на живые существа и неодушевленные объекты, кото-

29

рые входят с ней в контакт. Обнаружив наличие этой силы в существах или в объектах, он начинает считать их сакральными: священные камень и дерево; священные вода и огонь; небесный мир и божества, а также определенные персонажи - цари, спасители, ангелы, демоны. Естественно, на первом месте стоят божества. Человек религиозный - это человек, который в действиях своих и в поведении ощущает влияние этой трансцендентальной силы, присутствующей в существах и объектах. Обращаясь к сакральному, он обретает новые силы. С другой стороны, контакт с сакральным ведет к различного рода сакрализациям, которые делают человека религиозного хранителем сакрального: к таким людям относятся жрецы, цари, пророки, святые. Итак, ван дер Леув определяет человека религиозного посредством сакрального, осмысляемого как

некая сила: именно человек верит в наличие некой силы - сакрального - и строит свое поведение, исходя из этой веры.

«НОМО RELIGIOSUS» - ЧЕЛОВЕК ОДНОВРЕМЕННО ИСТОРИЧЕСКИЙ И ТРАНСИСТОРИЧЕСКИЙ

Н. Сёдерблом первым проанализировал опыт человека, соприкоснувшегося с сакральным. Р. Отто проник в психологию человека, переживающего подобный опыт, тогда как ван дер Леув ограничился описанием поведения человека религиозного. Отталкиваясь от этих исследований и проявив особое внимание к новаторским подходам Петтацони

30

и Дюмезиля, Мирча Элиаде представил *человека религиозного* в различных измерениях: его труды стали завершением долгого научного поиска - в них суммируется огромный материал, собранный историками религий разных эпох и регионов.

Человек религиозный занял свое место в истории. Он оставил свидетельства своих многочисленных верований, начиная от эпохи палеолита и вплоть до появления трех великих монотеистических религий — иудаизма, христианства, ислама. Мы узнали его благодаря различным научным подходам, позволяющим реконструировать историю религиозных верований человечества. Элиаде явно отдаёт предпочтение двум источникам — великим религиям Азии и устной традиции бесписьменных народов.

Феноменологический подход столь же важен, как и исторический. В самом деле, если религиозный феномен нельзя понять вне культурного и социально-экономического контекста, то религиозный опыт невозможно свести к формам нерелигиозного поведения. Любой религиозный феномен должен осмыслиться в собственной модальности. Понять его во всей полноте можно, лишь выйдя за пределы конкретных, исторически обусловленных проявлений. Любой религиозный факт представляет собой опыт *sui generis*, рожденный встречей человека с сакральным. Следовательно, нужно прояснить символическую и духовную сущность религиозных феноменов, обладающих внутренней цельностью. Феноменологический подход - это попытка понять суть и структуры религиозных феноменов,

31

осознаваемых одновременно в историческом аспекте и в ракурсе поведения *человека религиозного*. Речь идет об углублении взаимосвязей и значений этого поведения посредством дешифровки религиозных фактов, которые представляют собой опыты человека в его стремлении подняться над тленным миром и вступить в контакт с высшей Реальностью.

Еще не все сделано в рамках этого двойного — исторического и феноменологического — подхода, который ведет к морфологии и типологии *человека религиозного*. Следует интерпретировать установленные, проанализированные, классифицированные факты, а затем сгруппировать их в плане общей перспективы исследования. Речь идет о компаративистском труде, который позволит уяснить суть заключенного в источниках послания и интерпретировать весь комплекс встреч человека с сакральным - от доисторической эпохи до наших дней. Короче говоря, *человек религиозный* есть человек, передающий послание: это послание принадлежит истории, но историю превосходит.

«НОМО RELIGIOSUS»: ОПЫТ САКРАЛЬНОГО

Человек религиозный избирает для себя специфический способ существования в мире, что выражается во множестве религиозных форм, зафиксированных в истории. *Человека религиозного* можно опознать по стилю его жизни; он «всегда верит, что существу-

32

ет некая абсолютная реальность, *сакральное*, превосходящее этот мир, но проявляющееся в нем, тем самым освящая его и делая его реальным» (*Eliade. Le sacré et le profane*, 1955, 171). *Человек религиозный* переживает религиозный опыт. Он проходит через ряд экзистенциальных ситуаций, вступая в отношения с трансцендентальным миром. Изучая их, мы проникаем в его духовный мир. От этих ситуаций остались свидетельства. В конечном счете история религий — это история *человека религиозного*, осмысляемого в экзистенциальной реальности его верований, опытов и поведения. Он верит в сакральное происхождение жизни и считает смыслом человеческого существования приобщение к Реальности, превосходящей это существование.

Таким образом, *человек религиозный* — это человек, который «познает сакральное, поскольку оно проявляет себя, представляет собой нечто совершенно отличное от мирского» (*Le sacré...* 14). Элиаде использует слово *гиерофания*. С точки зрения структуры, акт проявления сакрального всегда представляет собой некий таинственный акт — проявление чего-то «иного». Это проявление — таинственный элемент, составляющий природу *sui generis* любой гиерофании. Как показывает история религий, структура и диалектика гиерофаний всегда одинаковы. Это очень важно: в религиозной жизни нет разрывов. Религиозный опыт имеет одну и ту же специфику во времени и в пространстве. Это экзистенциальный опыт *человека религиозного*.

Если все гиерофании обладают одинаковой структурой и в этом смысле однородны, то с точки

33

зрения формы они отличаются чрезвычайным разнообразием: обряды, мифы, божественные изображения, объекты, символы, животные, растения, люди. Таким образом, в глазах *человека религиозного* сакральное проявляется на различных уровнях, чем и объясняется большая вариативность религиозного опыта, начиная от гиерофании, запечатленной в камне, до высшей теофании (богоявления) - Воплощения Бога в Иисусе Христе. *Человек религиозный* - одновременно свидетель и посланец. Феноменология видит в нем свидетеля; герменевтика стремится понять посланца и его послание. Изучая *человека религиозного*, история религий

идентифицирует трансцендентальность к религиозному опыту.

СИМВОЛЫ, МИФЫ И ОБРЯДЫ

В жизни человека религиозного *символ* является языком гиерофании. Посредством его мир говорит и раскрывает те модальности реального, которые сами по себе неочевидны. Религиозные символы; затрагивающие структуры жизни, выявляют измерение, превосходящее измерение человеческое, и позволяют осмыслить высшую Реальность. Символическая мысль предшествует языку и составляет часть субстанции религиозной жизни. *Человек религиозный* есть *homo symbolicus* (*человек символический*). Опыт *мифа* — это также опыт сакрального, поскольку посредством мифа человек вступает в контакт со сверхъестественным миром. Миф осмыс-

34

ляется как истинная, сакральная и поучительная история, предоставляющая человеку религиозному образцы поведения. Космогонические и эсхатологические мифы, мифы о происхождении мира направляют деятельность *человека религиозного*, передавая ему нормативное послание. Побуждая его к имитации трансцендентальной модели, повторяя образцовый сценарий, миф поддерживает в нем сознание божественного: благодаря ему мир становится понятен человеку религиозному.

Отсылка к *архетипу* в мифе придает действенность и силу человеческим поступкам. Архетип понимается как изначальная модель, которая произошла из сверхъестественного мира. Человек религиозный реализует эту модель на Земле.

Обряд придает осмысленность этой реализации, приводя ее в полное согласие с архетипом. Действенность обряда состоит в том, что поступки человека религиозного обретают реальное измерение. Обряды инициации, вырывая человека из мирского состояния, переводят его в новую реальность, отмеченную сакральным. Инициация соответствует онтологической мутации экзистенциального порядка. Таким образом, именно посредством символов, мифов и обрядов сакральное осуществляет свою функцию посредника в жизни *человека религиозного*: они дают ему возможность вступить в контакт с источником сакрального - иными словами, с сакральным как трансцендентальной Реальностью. В конечном счете *человек религиозный* выступает как чтец, участник и посланец сакрального.

35

Глава 3. ДРЕВНИЕ РЕЛИГИИ

РЕЛИГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОЛИТА*

Палеолит, или каменный век, продолжался около двух миллионов лет и завершился к 9 000 г. до н.э. В этот период сформировался *homo sapiens* — человек разумный. Во времена раннего палеолита люди создали первые орудия: проторубило и заточенные с двух сторон кремневые ножи — первобытные орудия Европы и Африки. Люди научились также добывать огонь и охотиться на крупных зверей. Во времена среднего палеолита (с 80 000 до 35 000 лет до н.э.) люди мустьерского периода жили в пещерах, землянках или на открытом воздухе. Для позднего палеолита (с 35 000 до 9000 лет до н.э.) характерно бурное развитие художественного творчества: появились наскальные рисунки (франко-кантабрийское искусство), вырезанные из камня фигурки, примитивные украшения. Люди магдаленского периода занимались охотой, рыбной ловлей и собирательством.

* Жюльен Риес.

37

Эпоха палеолита оставила нам немногочисленные свидетельства о себе: кости, черепа, каменные орудия, красную охру, погребальные украшения и наскальные рисунки. Но при всей скудости наших знаний о религии человека каменного века мы не имеем права обходить молчанием период в два миллиона лет. Разве не был *homo faber* (человек творящий), *homo sapiens* (человек разумный) и *homo ludens* (человек играющий) также и *homo religiosus* (человеком религиозным)?

М. Элиаде использует метод компаративного анализа, пытаясь восстановить феноменологию и герменевтику эпохи по тем следам, что оставил после себя *homo sapiens*. Поскольку ископаемая эпоха не сохранила свидетельств о религиозных воззрениях палеантропа, нам приходится сравнивать материальные реликты каменного века с аналогичными материальными данными архаических племен нашего времени. У них, словно у живых ископаемых, мы можем найти достоверные сведения: роль орудий в мифологии и религиозной жизни; верования, мифы и легенды о покорении пространства; мифологические представления о копьях, вонзающихся в небесный свод, или стрелах, пробивающих облака. Современные племена охотников считают, что животные подобны человеку, но обладают необыкновенным могуществом. Они верят, что человек может обратиться в животное. Умерщвление животного совершается по строго определенному ритуалу, причем особо ценятся череп и кости.

Погребальная символика - один из важнейших элементов религии. Самые ранние захоронения датируются мустьерской эпохой (с 70 000 до 50 000 лет

38

до н.э.). Ритуальное предание мертвых земле имеет большое значение для живых: это защита от возвращения мертвеца, вера в загробное существование. В эпоху верхнего палеолита труп засыпают красной охрой: это символ крови, символ жизни. Найденные в могилах погребальные украшения свидетельствуют о вере в личное загробное существование, и это говорит нам о продолжении деятельности *post mortem* (там. - после смерти). Вопреки мнению А. Леруа-Гурана, настроенного очень скептически по отношению к религиозному значению скоплений костей, которые будто бы возникли случайно или вследствие того, что по пещере бродили и рылись в земле медведи, М. Элиаде полагает, что всякого рода геологические возмущения и активность пещерных медведей скорее привели бы к полному отсутствию ритуальных скоплений костей. В самом деле, если они возникли либо из-за геологических сдвигов, либо из-за медведей, то как объяснить местоположение этих груд вдоль стен, в расщелинах скал, в углублениях между камнями? Несомненно, скопления костей имеют религиозный смысл.

Почти все считают, что пещеры верхнего палеолита были необитаемыми и труднодоступными святилищами. Много написано также по поводу изображений животных на стенах и сводах этих пещер: большинство исследователей видят в них символы охотничьей магии. Элиаде выдвигает смелую гипотезу, основанную на значении мифа у древних народов: на этих наскальных рисунках, быть может, изображены сцены первобытной охоты. С другой стороны, в эпоху верхнего палеолита появляется гораздо больше жен-

39

ских статуэток: фигурки, вырезанные из камня или слоновой кости, хранятся в жилище. Речь идет о символах сакральной сущности женщины.

По мнению Элиаде, имеющиеся в нашем распоряжении материальные данные позволяют утверждать, что людям каменного века были известны мифы: космогонические мифы об изначальной водной глади и Творце, который предстает в образе антропоморфного существа или живущего в воде животного; мифы и обряды, связанные с вознесением на небо; мифы и символы радуги, а также ее земного отображения - моста, ведущего в иной мир; мифы о происхождении животных и огня. Похоже, что палеантроп уже придавал сакральное значение небесному своду. Решающую роль, вероятно, сыграла религиозно-магическая валоризация языка. «Некоторые жесты уже символизировали явление некой сакральной силы или указывали на некую "космическую тайну"» (М. Элиаде).

РЕЛИГИЯ ЭПОХИ МЕЗОЛИТА И НЕОЛИТА*

Слово *мезолит*, введенное в оборот в 1866 г. специалистом по истории первобытного общества Г. Уэст-роппом, стало термином в 1909 г., когда Ж. де Морган использовал его для обозначения периода между палеолитом, или веком обточенного камня, и неолитом, или веком отшлифованного камня, на смену которому пришла нынешняя эпоха. Этот переходный период начинается с 9000 лет до н.э. и завершается, в зависи-

* Жюльен Риес.

40

мости от региона, между 5000 и 3000 лет до н.э. В сфере технического развития он характеризуется необыкновенным изобилием микролитических орудий. Погребальные обряды имеют две особенности: с одной стороны, это лежащие в согнутом положении скелеты, часто окрашенные или засыпанные охрой; с другой — скопления черепов, присыпанные или не присыпанные охрой. К концу мезолита появляются первые поселения.

Слово *неолит*, сначала использованное Й. Люббоком в 1866 г., а затем утвержденное Ж. де Мортилье в 1869 г., обозначает период в истории человечества, который начинается веком обточенного камня и завершается бронзовым веком. На Ближнем Востоке, в гористых пределах «Благодатного полумесяца», неолитические орудия появляются очень рано: натufийская культура возникает около 7800 лет до н.э.; судя по всему, неолит и зародился на Ближнем Востоке. Этот период характеризуется переходом к земледелию, скотоводству и оседлой жизни в поселениях.

От этих нескольких тысячелетий до нас дошло множество материальных свидетельств: скопления отполированных топоров, символические изображения и чаши на скалах; мегалитические памятники, стоящие кругом фигурки на стенах дольменов, концентрические круги святилища Стоунхендж; неолитические рисунки — впрочем, не такие красивые, как в эпоху палеолита; выточенные рисунки на стенах гробниц.

Возможно, именно в эпоху мезолита окончательно сформировалась концепция мифического предка, свойственная мифам о происхождении мира, зверей, человека, смерти.

41

Захоронения свидетельствуют о том, какое значение имел череп для человека эпохи мезолита: в черепе скрыта его «душа», его «двойник». Многочисленные находки показывают, что в сфере производства орудий, символизирующих творческую активность, был достигнут значительный прогресс: люди все глубже постигали материальный мир, и это отражалось на мифологии, находившейся в стадии формирования. По мнению Элиаде, «достижения эпохи мезолита кладут конец культурной общности палеолитических племен и открывают эру неравномерного развития с присущим ей разнообразием, которое отныне становится главной особенностью всех цивилизаций» (De *Gaë de la Pierre aux mystères d'Eleusis*, 1976, p. 46).

Большая часть мифов о происхождении мира была создана земледельческими народами, выращивающими злаковые и растительные культуры. В этих мифах прослеживается мотив растений, появляющихся после принесения в жертву какого-нибудь божества. Они лежат в основе обрядов инициации, жертвоприношений, некоторых погребальных ритуалов. В мире, где люди и растения неразрывно связаны, главенствующая роль принадлежит женщине: это богини-матери, это культ плодородия. Оплодотворение является религиозной тайной, поскольку управляет жизнью и смертью людей. Тайна оплодотворения включает в себя сексуальную сакральность, священные браки между богами, возрождение растительного мира, астральный символизм, солнце, луну. За несколько тысячелетий неолита эти религиозные ценности становятся более определенными. Для

42

homo neolithicus (человека неолитического) тайны рождения, смерти и воскресения становятся ясными благодаря смене времен года, циклам увядания и возрождения растительного мира.

Неолитическая религия — это религия космическая, основанная на концепции периодического обновления мира. В центре его находится космическое древо. Ритуально-мифический сценарий празднования Нового года восходит к этой религиозной идее. Он сохранился на всем Ближнем Востоке и в индо-иранском мире. Опыт развивает мыслительную деятельность: появляются календари, концепции цикличности времени и космических циклов. По словам Элиаде, «все космологические, эсхатологические и мессианские представления, которые будут в течение двух тысячелетий доминировать на Востоке и в средиземноморском мире, восходят к концепциям эпохи неолита» (De *Gaë de la Pierre aux mystères d'Eleusis*, 1976, p. 54). Наряду с валоризацией космических циклов и циклического времени мы встречаем и сакрализацию пространства. Молитвами и обрядами человек освящает пространство, в котором проходит его жизнь: дом и поселение превращаются в *imago mundi* (лат. - образ мира).

М. Элиаде в общих чертах обрисовал духовную систему неолита (De *Gaë de la Pierre aux mystères d'Eleusis*, 1976, p. 60—63). Речь идет именно о религиозной системе, но мы способны раскрыть ее только на основе данных археологии, так как неолитическое общество не оставило нам ни текстов, ни устных традиций. И об этом религиозном мире мы имеем лишь фрагментарные представления, полученные

43

благодаря феноменологии и герменевтике, которые используют символику *человека религиозного*. Тем не менее анализ многочисленных материальных свидетельств неолита дает вполне удовлетворительные результаты: культ мертвых, плодородия, обряды, связанные с тайной растительного мира, космологические системы, основанные на символике центра мира. В духовной системе неолита символика занимает центральное место: она позволяет нам отчасти понять, отчасти угадать, каким богатством и сложностью отличались религиозные воззрения этого времени. С появлением первых текстов мы обретаем возможность сблизиться с неолитической вселенной, концепции которой, формируемые на протяжении многих столетий, полны глубокого смысла. Первые письменные памятники человечества отражают это архаическое видение, которое, однако, уже изменилось и подверглось влиянию новой цивилизации с ее мифологией железного века, городской культурой, монархическим правлением, структурно организованным жреческим сословием. Добавим, что отдельные фрагменты духовной системы неолита сохранились в земледельческих культурах.

БОЖЕСТВО ХЕТТОВ*

В хетто-незитском языке, на котором говорили, в частности, жители столичного города Хатусасы, обозначение божества восходит к индоевропей-

* Рене Лебрен.

44

скому корню *djew-*. Хеттское *siu (ni)* — «бог» — можно поставить в один ряд с такими словами, как *Zeus, deus, dies, daeva*, и, вероятно, с лидийским *civ*. Таким образом, божественный статус связан с тем, что излучает свет, — со светоносным началом. Напротив, в лувийском языке «бог» назывался *massani/a-*, и этот термин восходит к ликийскому *mahani-*. Итак, в двух больших хеттских языковых группах для обозначения божества использовали разные слова, причем лувийское название явно не индоевропейского происхождения. Впрочем, некоторые термины, имеющие отношение к сфере религии, показывают, что язык хеттов Центральной Анатолии отличался от языка жителей южных или лувийских районов.

Боги бессмертны и занимают определенное место в пантеоне. В эпоху Хеттского царства различаются боги, тесно связанные с миром живых, и древние, или свергнутые, боги, связанные с миром inferнальным. Первую группу богов возглавляет Тешуб. Когда космические представления полностью восторжествовали в Малой Азии, хетты и, возможно, автохтонные хатти, подобно многим другим народам, представляли своих богов в виде духов, пребывающих большую часть времени на звездах или в подземном царстве. Каждый бог имел свой священный город или священную гору — любимое местопребывание бога при посещении земли, когда он давал людям возможность восславить его, вознести ему хвалы, а также выслушивал сетования молящихся. Празднества означали встречу с богом в его любимом месте и происходили в точно установленное время.

45

В хеттской религии главенствует антропоморфизм. Божество осмысливается как идеализированные царь или царица, которым подчинены люди. Хеттские боги не имеют никаких метафизических черт. Они милосердны, их можно обмануть, на них можно повлиять, они способны ошибаться и судят людей исключительно по поступкам. Отношения человека с богом воспринимаются как идеализированная проекция отношений, существующих при дворе между царем и его слугами. Они основаны на взаимном интересе, в них царит гармония, возникшая благодаря договору. Ибо боги нуждаются в людях для отправления культа и сохранения миропорядка, а потому не должны отвращать от себя человечество. Люди же ищут поддержки у богов, чтобы преуспевать в своих замыслах. Подобно царю, боги гnevаются на ослушников и святотатцев, приходят в раздражение из-за того, что кажется непочтительным или же несправедливым по отношению к ним. Такие проступки или ошибки следует исправлять как можно быстрее — признанием вины, магией или испускательными дарами.

РЕЛИГИЯ ЕГИПТА*

Религия — это почва, на которой выросла вся египетская цивилизация, истоки которой следует искать в религиозных идеях, сохранявших свое значение на

* Жослин Берландини и Пьер дю Бурге.

46

протяжении нескольких тысячелетий. В Египте все начиналось с религии и развивалось на ее основе: искусство, письменность, литература, театр, медицина, политика, административное управление, право. Факт этот особенно очевиден в силу того, что страна возникла без чужеземного влияния. До последних дней существования Древнего Египта сакральное искусство определяло стиль и мотивы изобразительных искусств. Божественность фараона оставалась политической доктриной вплоть до Лагидов и римлян. Египетское право всегда было связано с религией благодаря религиозному понятию Маат. А «общество, основанное на религии, считает, что все в мире, включая социальное устройство, находится во власти божества, которое создает и гарантирует право. Такая вера порождает особые формы права, учитывающего реалии конкретной жизни, затем земные формы права, в свою очередь, переносятся в потусторонний мир — в той мере, в какой данное общество способно осознавать и различать мир поту- и посюсторонний» (5. *Morenz. La religion égyptienne*, 1962, p. 35).

1. Мир богов.

1. Мир богов. Вследствие присоединения независимых территорий, населенных первобытными племенами, возникает множественность верований и местных культов. Так появился мир богов, где смешалось — при посредстве очень сложных мифов и легенд — великое множество существ, которые с одинаковым успехом представляли в формах неодушевленных, животных, гибридных и человеческих. Начиная с 3-го тысячелетия тотемные божества доис-

47

торической эпохи уступают место богам, связанным с расцветом главных городов — Гелиополя, Мемфиса, Гермополя... В этих разнообразных системах на первый план выходит динамическая мощь демиурга, создающего самого себя и вселенную. В современном непространстве изначального хаоса, который часто представляют как неподвижный океан, Нун, появляется Нун, первая форма осознанной жизни. «Когда явил я себя существованию, существование осуществилось» — так изъясняется несотворенный и возникший сам по себе творец, который материализуется сообразно процессам физическим (солнце, земля, остров...) или биологическим (яйцо, ребенок, лотос, змея...). Самую важную роль играет сияющий солнечный диск, которому поклонялись с далеких времен. В Гелиополе это Ра-Атум, создавший физический мир, оплодотворив сам себя с помощью мастурбации и выплюнув первую пару богов — Шу и Тефнут, от которых происходят другие члены Эннеады: Геб и Нут, затем Осирис и Исида, Сет и Нефтида. В Гермополе «утром самого первого дня» чаша голубого лотоса, колыбель ребенка-солнца (Амон-Ра, Херишеф*, Гарпократ**) раскрывается на первозданном болоте, где все еще царствуют злоеющие боги древней огдоады с головами змей и лягушек. В Мемфисе, согласно более возвышенной концепции, бог земли Татенен («поднимающаяся земля») сливается

с великим Птаха, который владеет всеми ремеслами, творит все живые формы, создает мироздание сердцем

* «Находящийся на своем озере». - *Примеч. перев.*

** Бог молчания. - *Примеч. перев.*

48

своим и языком, иными словами, осознанной мыслью и магической силой слова.

Таким образом, мир богов представляет собой совершенное и незыблемое творение демиурга — это «золотой век», где царит гармония универсального порядка Маат и нет зла. Управляют миром великие создатели космогоний, которые существуют во множестве ипостасей, имеют прославляющие их символы и нередко собственную семью (триаду). Они окружены второстепенными божествами. По распростертым тепам небесных женщин-коров (Мехурет, Нут, Нейт...) по двуполым по природе своей водам извечно движутся космические барки светил (Ра, Хепри...) и звезд (Сотис, Орион...). В столь сложном пантеоне каждая божественная фигура вычленяется из общего ряда постепенно — согласно своей изначальной природе, характеру или функциям. Боги ремесел (Птах, Хнум...), покровители священных наук (Тот, Сешат...), любовной страсти и деторождения (Мин, Камутеф...), владыки загробного царства (Осирис, Анубис...) и магической сферы (Бэс, Тхурис) смешиваются с божествами водными (Себек...) и хтоническими (Сева, Нехебакау), со страшными богами в львином облике (Сехмет, Махес...), с богинями-матерями (Исида, Мут, Хатор...), а сокол-Гор парит в небесном пространстве. Наконец, мифы и легенды напоминают о постоянной угрозе, которая исходит от сил хаоса и, следовательно, сил зла и греха: борьба Сета и Гора, воплощений солнечного ока, бунт созданий, подверженных старости (Ра) и даже смерти (Осирис). Тем не менее наряду с этим многообразием и изобилием богов возникают мощные течения унификации (монотеизм).

49

2. Египетский монотеизм.

Говоря о египетском монотеизме, многие современные ученые смешивают два понятия — единичность и универсальность, обозначая вторым термином тенденцию к унификации многочисленных богов, что делает возможным применение первого термина. Подобное смешение четко проявляется по отношению к ереси Эхнатона (Атона) — концепции в полном смысле слова универсальной (*один и тот же бог для всех народов*). Идея египетского монотеизма, зародившаяся в самом начале исторического развития, имеет своих приверженцев и противников в зависимости от того, что выдвигается на первый план: множественность богов или вера египтян в некую *единственную* «силу», которая властвует над ними или поглощает их. Сторонники первого тезиса, подчеркивая очевидный политеизм, вынуждены все же признать наличие глубинного устремления к верховному божеству. Сторонники второго тезиса делают акцент на унитарном течении: поглощении одних местных богов другими, идущем за территориальной и политической унификацией; соединении посредством матримонимальной модели различных богов, стоящих в центре культа (космогонии); обозначении «силы» именем бога (Ра, Атум, Птах, Амон) каждой династии или (Атон) одного из фараонов, причем бог изображается в облике данного фараона; замене Ра на Осиписа в одной из молитв Рамсеса IV; использовании слова *netjer* (бог) в единственном числе вместо множественного *netjerou*; синкретическом слиянии в одном божественном существе богов-омонимов; концепции богов - ипостасей демиурга в космогонии Мемфиса.

50

Некоторые видят в этом только генотеизм - концепцию многоликой Высшей Силы, которая все же не является богом-личностью.

Но разве приведенное выше обозначение одного демиурга многими именами не дает возможности двинуться дальше? В частности, разве выработанная и неоднократно использованная в эпоху Нового царства концепция об особом (*djéser*), тайном (*chéta*), сокрытом (*imène*) облике и жилище бога не означает полной и глубокой дифференциации — трансцендентальность, следствием которой становится признание личного божественного существа? Разве не свидетельствует о том же концепция о непогрешимости демиурга? В эпоху XVIII и XIX династий к богу взывали так: «Птах... *Сокрытый*, коего никто не знает...» (*Берлинский гимн*, XXII династия, ок. 900). И было немало других подобных молений. Судя по всему, эта единичность, осмысляемая как святость (монотеизм), проявлялась гораздо сильнее, чем можно судить по «внешним признакам» (космогония Мемфиса), зародив тем самым личное религиозное чувство как у людей образованных, так и стоящих на самых низших ступенях социальной иерархии.

РЕЛИГИЯ АНТИЧНОЙ ГРЕЦИИ*

Греческая религия существовала два тысячелетия. Естественно, за этот громадный промежуток времени она подвергалась радикальным изменениям.

* Жан Серве, Андре Мот и Лилиан Бодсон.

51

В *истоках* своих (16-12 вв. до н.э.) микенская религия испытывала сильное влияние доэллинистических культов. А на завершающем этапе развития собственно эллинистическую религию характеризует, в частности, унаследованное от Александра обожествление монархов. Кроме того, под прямым римским влиянием повсюду возникают не знакомые ранее грекам культы, как, например, культ богини Рома (Рим), и так вплоть до конца языческой эры (последние десятилетия 4 в., первые десятилетия 5 в.). Наконец, происходит повсеместное обращение в христианскую религию, и начинается византийская эра. Между этими двумя крайними точками располагается греческая религия, главной особенностью которой является создание эллинского пантеона, воспетого Гомером и в еще большей степени Гесиодом. Но самая характерная черта греческой религии во все периоды (как архаические, так и классические) ее существования - это городские культы, которые во многом и составляют вклад, внесенный греческим миром в историю религий.

1. По всему вижу я, что вы как бы особенно набожны.

Эти обращенные к афинянам слова посетившего город апостола Павла (Деян 17, 22) подтверждаются при изучении бесчисленных материальных свидетельств, оставленных нам Древней Грецией. Религия присутствует во всех сферах: она тесно связана с жизнью каждого человека и города в целом, в ней же следует искать истоки расцвета культуры. Одновременно эта религия отличается чрезвычайным разнообразием культов и обрядов,

52

представлений, верований и философских течений. Ибо в основе ее - наследие нескольких этнических групп, ревниво сохраняемое во множестве регионов, которые дорожат своими особенностями, но постоянно реорганизируются в соответствии с социально-политическими трансформациями, органично усваивая чужеродные элементы благодаря поразительно смелому творческому воображению художников, поэтов и мыслителей. В какой-то момент религия, казалось бы, отступила под натиском новых теорий, породивших совершенно необычную для западной истории форму атеизма. Но вопреки всем этим коллизиям она удерживает свои позиции на протяжении многих веков и, несмотря на поразительное разнообразие, во все времена является важнейшим фактором, объединяющим греческий мир. В этом сложном комплексе можно выделить некие общие подходы к осмыслению сакрального в таинственных реалиях природы, физических феноменах и социально-политической жизни: с религией устанавливают связи посредством одинаковых жестов и одинаковых слов, в постоянно возобновляющемся стремлении уяснить ее посредством образов или концепций.

2. Концепция божества.

Натурализм, антропоморфизм, политеизм - три главных основания религии греков. Им всегда было присуще убеждение, что в некоторых избранных местах присутствует сакральное, которое способно пробудить в них смешанные чувства страха (даже ужаса) и одновременно благоговения (*thambos*). Испытывали они эти

53

чувства прежде всего при соприкосновении с такими творениями природы, как камни (Бетил), источники, деревья и рощи, луга и гроты, животные. В этом смысле Природа (*physis*), частью которой были люди, воспринималась сакральной во всей своей полноте и считалась святилищем, в котором таятся и из которого постоянно возникают бесчисленные божества и силы, воспринимаемые как трансцендентальные.

Некоторые из них были персонифицированы под именами Фортуны-Судьбы, Справедливости, Насилия, Мира и пр. Они проявляют себя главным образом в том, как воздействуют на весь ход человеческого существования. Но большая часть из них обрела в воображении греков антропоморфный образ богов, составивших пантеон (*Аристотель*. Политика). Боги и богини (*theoi, daimones*) не ограждены от тяжких испытаний, выпадающих на долю человека: очень немногие из них избежали столкновений и страстей, ставших основой мифов, которые нашли отражение в творчестве Гомера. Зато все они получили в дар счастливое бессмертие — именно это, а не другие их качества, определяет грань между божеством и человеком. С другой стороны, боги и богини невидимы: они избегают появляться во всем блеске своего величия, ибо вида их человек вынести не может. Они открываются ему косвенным образом, посредством знамений или под чужой личиной: под прикрытием какого-нибудь атмосферного явления, во сне, в облике смертного, который на краткое мгновение говорит их устами.

Все греческие божества в высшей степени синкретичны, но обладают функциями, которые либо

54

объединяются, либо распределяются. Одни боги (Гея, Зевс, Посейдон, Аид, Афродита) управляют великими теллурическими силами, в ведении других (Деметра, Дионис, Артемиды) находятся биологические циклы или же (Зевс, Афина, Аполлон, Арес, Гера, Гестия, Гефест, Гермес) принципы и установления, регулирующие на основе социально-политического порядка жизнь городов. Боги доминируют также в сфере морали и определяют особенности характера. Они проникают в тайны сознания и знают будущее, открывая его в знамениях и оракулах. Их восславили в прекрасных мраморных и бронзовых статуях, хотя в некоторых случаях изображения были довольно примитивными (Агальма). Но будь то роскошный памятник или грубое изваяние из дерева и камня, все они предстают материальным отражением созданной человеком идеи божества. Культовые действия обращены не к этим изображениям. Молитвы, дары, жертвоприношения, посредством которых предписано почитать богов, возносить им хвалу, смягчать их гнев и завоевывать благосклонность, предназначены были самим священным существам, а не видимой оболочке, чья материальная осязаемость призвана свидетельствовать об их присутствии.

Политеизм, которому совершенно чужды тотемизм и фетишизм, всегда динамичен и далек от ограниченности или застоя. Сами олимпийские боги - это всего лишь одна из категорий сверхъестественных существ. Их превосходство порождено важностью исполняемых ими в пантеоне функций и вместе с тем обусловлено пробелами в древних источниках, имеющих отношение к другим разря-

55

дам божеств, а также факторами, связанными с социально-политической природой тех или иных городских регионов, но чуждыми религии как таковой (например, развитие мифологии). Персонификация великих богов осуществляется путем последовательной ассимиляции, которая с самого начала происходит за счет местных божеств: боги занимают их место, берут на себя их функции и сохраняют память о них как в многочисленных эпиклезах, так и в новых эпизодах, проникающих в мифическую традицию. Это синкретическое развитие никогда не прерывалось, что способствовало постоянному обогащению греческой религии.

Среди прочих групп сверхъестественных существ греки выделяли демонов (*daimones*) и героев (*heroes*) (*Платон*. Республика). Обе эти категории не поддаются простому определению, так как приобретают различные значения в зависимости от эпохи и обстоятельств своего появления. Слово *daimon*, служащее иногда синонимом *theos*, обозначает священную силу, которая вмешивается в дела людей либо во благо, либо во зло. Это также инициатор того или иного события. Демон может воплотиться в духа растительности,

подобного Пану, или же в такие грозные существа, как духи мщения Эринии. Но чаще всего он не имеет индивидуального облика и даже собственного имени. Платон (Законы) приписывает ему посредническую функцию в отношениях между богами и людьми. В отличие от демонов, которые превосходят человека и бессмертны, герои — существа полубожественные, подобные Гераклу или Асклепию. Их культ близок к культу мертвых и освящает —

56

по крайней мере для некоторых необыкновенных существ — доступ к иной жизни, более соответствующей их заслугам, чем то подобие существования, которое ожидает в Аиде всех прочих смертных. В эллинистическую и римскую эпоху героизация и обожествление становятся обычным явлением, распространяясь на царей и императоров, причем часто даже при жизни последних. Подобная эволюция привела к тому, что грани между категориями сверхъестественных существ окончательно стерлись. Стремительно теряющее значение деление исчезает, уступая место другим представлениям, связанным с обновленной концепцией божества.

Триумф христианства не привел к полному уничтожению греческой религии. Христианство унаследовало от нее множество святых мест, традиций и символов — отчасти также и мифопоэтическое воображение, многочисленные свидетельства которого сохраняются в нынешней Греции. Древняя Греция оказала колоссальное влияние на культурное развитие западного мира. Начиная с эпохи Ренессанса античные боги поразительным образом воскресают в литературе и искусстве, что означает не просто веяние моды, но свидетельствует о рождении новой чувственности и ментальности. Кроме того, создатели христианской теологии многое почерпнули из метафизических и этических размышлений греческих философов. Разумеется, философию, как и мифологию, не следует смешивать с религией, но они в некоторых аспектах настолько близки друг другу, что разделять их нельзя. Между тем именно в философии заключен тот источник

57

мудрости, откуда обильно черпали познания христианский Запад и христианский Восток.

РЕЛИГИЯ РИМА*

Невозможно точно определить время ее зарождения, хотя, согласно национальной традиции, город Рим был основан в 753 г. до н.э. За долгий период — более чем двенадцать столетий, вплоть до конца 2-й Пунической войны, римская религия развивалась и обогащалась, усваивая италийские и этрусские, а затем эллинские верования. Во время серьезных внутренних кризисов конца периода Республики она пришла в упадок и была дезорганизована, но после религиозной реставрации Августа начинается новый этап ее развития: под усиленным воздействием философских течений и культов, привнесенных с Востока, она преобразуется в религию, все более и более монотеистическую.

1. Религиозная антропология.

Опираясь на религиозную антропологию, мы имеем больше шансов понять, в чем состоит для римлянина его «религия», что является для него священным и какое место он готов отвести ей как в частной жизни, так и в жизни государства. Если любая религия призвана регулировать, с одной стороны, отношения человека с себе подобными, а с другой — с божественными силами, которые он признает высшими, то религиозное по-

* Мишель Мелен.

58

ведение следует рассматривать в рамках общественной системы, оценивая влияние, оказываемое обществом, в котором протекает его жизнь и деятельность, на само восприятие божественного и внешние проявления этого восприятия.

Более ста лет главной особенностью римской религии обычно считали то, что культовое действо имеет большее значение, чем догмы и даже духовные ценности как таковые. Но исполнение обряда само по себе не устанавливает отношений между человеком и божеством. Действительно, семантический анализ термина *religio* показывает, что в Риме ритуальная практика предполагает выбор, посредством которого человек определяет свои отношения с богами. Ибо *religio* — это неослабное внимание человека к различным божественным *знакам (signa)*, которые он считает проявлением воли высших сил, но одновременно осторожная осмотрительность при исполнении сакральных действий, устанавливающих его отношения с божествами. Превосходя обычную объективную систему живых существ, неодушевленных предметов и верований, которую человек обязан принимать в силу явленного ему божественного решения, *religio* определяет поведение человека по отношению к высшим силам: он должен понять их волю, чтобы преуспеть в своих замыслах и делах. Итак, религия в Риме состоит в правильном отправлении культа богов, посредством которого человек демонстрирует свою *набожность (pietas)*, т.е. такую же благоговейную преданность, с какой он почитает родителей. Лучшая из всех возможных религий — та, которую исповедова-

59

ли предки. Как говорит Цицерон, «чем древнее, тем ближе к богам». Все совершенные и вечно живые социальные и нравственные ценности религии, которую исповедовали предки, должны сохраняться и тщательно поддерживаться.

2. Концептуализированная теология.

Однако на римскую религию наложила глубокий отпечаток также и теология — иными словами, концептуальный и рациональный дискурс о мире богов. Уже в первых сохранившихся документах мы видим, как римляне персонифицировали в личностях богов, соединенных разнообразными отношениями, созданные ими фундаментальные представления и концепции как мира, так и ценностей, на основе которых они строили свое общество. Этот теологический фактор настолько важен, что позволяет отвергнуть все объяснения, исходящие из примитивности или динамичности римской религии. Латиняне отнюдь не были примитивным племенем, приверженным анимизму, т.е. культу божеств, которые будто бы воспринимались в качестве

зримых проявлений некой силы, некой сверхъестественной энергии, связанной с определенным местом, предметом или лицом. Напротив, они обладали превосходно организованной религиозной культурой, которую сохранили со времен далекого индоевропейского прошлого. Примеров можно привести множество, но мы ограничимся одним: ассоциативная связь между божественными абстракциями и отдельными частями человеческого тела — между ухом и памятью (*Memoria*), лбом и духом (*Genius*), коленями и милосердием

60

(*Misericordia*), правой рукой и верой (*Fides*) — встречается уже в «Ригведе» и служит одной из отличительных черт некоторых индоевропейских культур.

В этом теологическом дискурсе можно выявить — в частности, через такие понятия, как *Numen*, *Indigumenta* — концепцию божественных сил. Стремясь сохранить индоевропейское идеологическое наследие, римляне интегрировали свои обряды и верования в систему трех важнейших, иерархически организованных функций: правовое и магическое верховенство, необходимая для войны физическая сила и подчиненная двум первым, но первостепенная для их расцвета плодovitость. Таким образом, в Риме боги теологически являются воплощением фундаментальных функций, которые более или менее успешно реализуются в конкретной деятельности человека. Из этого логически вытекает, что между богами и тремя типами человеческой деятельности существует некая корреляция, которая, однако, никогда не приводит к ущемлению религиозного в пользу социального или политического. Религиозные изображения Юпитера, Марса, Юноны, Квирина, Януса служат теологическим выражением все тех же фундаментальных индоевропейских структур, которые мы можем обнаружить на всех уровнях политической, социальной и личной жизни римлянина. Каждый из великих богов управляет одним из секторов зримого и незримого мира. Сфера деятельности каждого из богов и богинь совпадает с одной из сфер человеческой деятельности: функцию надзора за этой деятельностью выполняет разум.

61

Поэтому в период глубокого социального кризиса, сотрясавшего Рим во время 2-й Пунической войны, новые угнетенные стали искать покровительства у чужеземных богов. Представители мятежных социальных слоев — погрязшие в долгах крестьяне, беглые рабы, отщепенцы всех сортов — объединялись вокруг функционально соответствующих божеств, взывая к ним по ходу обряда причащения и стремясь обрести идентичность, в которой им отказывало римское общество. В число этих богов входили Дионис, Сабазий, Зевс Этнейский, Палики, божества кузнечного дела, очага, хранительницы священных рощ, где укрывались бежавшие от хозяев рабы. Таким образом, эпизодически — и всегда в моменты социальных потрясений — центробежные силы римской религии создавали возможность для акций протеста, находивших выражение в религиозном языке, поскольку не способны были заявить о себе иначе.

3. Антропоцентрическое видение.

Последний важный аспект обнаруживается в римском дискурсе о римских богах. Тогда как в большинстве традиционных культур теологическим выражением фундаментальных ценностей служит мифический язык и миф предстает столь же необходимым для человеческого общества, как сон для каждого индивидуума, в Риме боги — даже самые значительные — не имеют никакой мифической идентичности; ни в одной истории их не связывают с изначальным временем. Посредством экстраординарного антропоцентрического видения, не имеющего аналогов в индо-

62

европейском мире, римляне приписали себе, т.е. собственным предкам, сотворение всех своих институтов — не только юридических, социальных и политических, но даже религиозных. Тем самым они создали одновременно как абстрактную теологию и иерархию богов, не имеющих истории, но обладающих функциями, так и легенды о национальных корнях, в которых повествуется о героических деяниях людей, уподобившихся богам в силу характера и своих общественных функций. Итак, римская религиозная мысль основывается на антропологии. Приземлив, очеловечив и укоренив свои божества, римляне, подвергнув переоценке старые мифы и включив их в национальную псевдоисторию, создали национальную память и оправдали существование своих богов. В отличие от большинства других культур, они никогда не представляли самое важное событие — создание фундаментальных институтов — делом того или иного бога в изначальное, мифическое время, но относили их возникновение к «историческим» временам царского Рима. Древнейшая история Рима становится, таким образом, его собственной мифологией: ей присущи такое качество, как мудрость; она является носителем ценностей; признается значимой, совершенной и определяющей поведение всех членов общества. Конечно, благодаря греческому влиянию, которое становится ощутимым со второй половины 2 в. до н.э., римляне открывают для себя мифологию и находят в ней более или менее верные параллели. Но это не меняет прежних представлений о римских богах, которые, как и ранее, воспринимаются функ-

63

ционально — в качестве простых проекции человеческой деятельности. С самых давних времен своего утверждения в Лациуме римлян куда больше интересовали их город и успех собственных предприятий, чем личности богов. Целиком и полностью погруженные в настоящее, они создают изображения богов только с целью отразить символизируемые ими функции. Поэтому они считают связь между богами и людьми необходимой лишь для обретения уверенности в том, что нужный результат будет достигнут.

Религиозность имеет право на существование только в той мере, в какой она обеспечивает человеку успех. *Опс*, *Салус*, *Конкордия*, *Либертас*, *Виктория*, *Фидес*, *Фортуна* стали божествами только потому, что римлянин признал их одной из главных основ общественной жизни — обожествленную абстракцию теологической концепции, раздробившейся на множество возможных точек приложения.

Отсюда столь необычное поведение римлян по отношению к своим богам — пристальное внимание к знамениям, в которых они видят проявление высшей воли, но одновременно стремятся сохранить полную независимость от нее. Различные обряды не имеют другой цели, кроме актуализации — в определенный

момент человеческого времени — высшей силы, доброй фортуны или шанса, если использовать более современное слово, которые позволят как индивидууму, так и обществу преуспеть в том, что они намерены предпринять. В конечном счете у богов нет другой сущности, кроме реализации тех возможностей, которые они

64

предоставляют человеку. Они созданы им самим. Римская сакральность - это творение человека, живущего в мире, который он постоянно обустроивает для собственной выгоды. Поэтому ритуальные молитвы, конечно, имеют религиозное значение, так как устанавливают отношения между богами и людьми, но не создают личных связей. Римская молитва никогда не бывает ответом на предложение божества или на Слово откровения. Инициатива всегда принадлежит человеку, обращающемуся к божествам, в которых он видит ценности, обеспечивающие гармоничное взаимодействие общества и мира.

РЕЛИГИЯ ЭТРУСКОВ*

В противоположность греческой и римской, религия этрусков - это религия откровения, тайны которой раскрыли людям персонажи пророческого склада. Самый знаменитый из них — Таг - чудесным образом возник из борозды, проложенной на пашне одним крестьянином из Тарквиния. Видом и ростом он походил на ребенка, но обладал знанием божественного. Согласно традиции, все жители Этрурии сбежались, чтобы выслушать и записать то, чему учил их этот удивительный пророк, а сами «книги Тага» обрели такую славу, что сохранили авторитет и после исчезновения независимой Этрурии. В другой знаменитой легенде Клузии, нынешнем Кьюзи, появляется

* Раймон Блок.

65

нимфа по имени Вегоя. Именно она сообщила Аррунту о «решениях Юпитера и Справедливости»: эти латинские имена соответствуют Тинии и неизвестному нам божеству, которое было персонификацией божественной справедливости.

Любые ритуальные действия — изучение внутренностей жертвы, наблюдение за молниями и чудесными явлениями - совершались с тем, чтобы угадать волю богов, узнать ближайшее и отдаленное будущее, подкрепить благоприятные знамения и отвести, если возможно, опасные угрозы. Подобное психологическое поведение необычно для древнего язычества, и параллели можно найти только у некоторых народов Ближнего Востока, например ассирийцев и вавилонян. Этруски верили, что природа подчинена некой универсальной конечной цели и все необычное, что постоянно в ней происходит, вызвано богами, которые хотят известить человека о своей воле и его судьбе. В знаменитом отрывке из своих «Исследований о природе» Сенека пронизательно и точно определил, какая пропасть отделяет в этом отношении этрусков от греков и римлян: «Вот в чем не согласны мы с тосканцами, которые без устали изучают молнии. Мы считаем, что молния ударила вследствие столкновения облаков. Они же считают, что облака столкнулись ради удара молнии. Приписывая все божествам, они убеждены, что молнии предсказывают будущее не тем, что вспыхнули, а вспыхнули с тем, чтобы предсказать будущее».

Тексты и фигурные изображения свидетельствуют о необыкновенной изощренности искусства гаруспиков, и можно только поражаться тому, сколько

66

труда вложили этруски, чтобы с успехом применять принципы самой лживой из всех наук.

Жреческое сословие - прославленные гаруспики — ревниво сохраняло все этрусские религиозные традиции, считавшиеся национальным достоянием. Специализируясь в самой трудной сфере пророчеств, они получили наименование гаруспиков благодаря несравненным познаниям в области изучения и предсказания будущего по внутренностям жертв. Однако в искусстве толкования молний и чудесных явлений им также не было равных, и в их ведении находились все аспекты этрусской религии. Будучи опытными жрецами, они считались также и колдунами, поскольку умели вызывать молнии и насыпать их как на людей, так и на города.

КЕЛЬТЫ, ГЕРМАНЦЫ. СЛАВЯНЕ*

1. Кельты и кельто-римляне.

Кельтами называют большую группу племен, которые начиная с середины 1-го тысячелетия до н.э. обосновались или захватили территории в континентальной, атлантической и отчасти даже средиземноморской и балканской Европе: 1) *гэлы* (или гойделы) - в Ирландии, а затем на севере Шотландии; 2) *галлы и бритты* - в кельтской зоне на континенте, на островной Британии, а затем в британской Арморике; 3) *кельтиберы* - в центре и на севере Испании. Начиная с 3 в. кельты постепенно теряют освоенные земли в результате

* Жан Луак, Жюльен Риес и Кальман Сасс.

67

римских завоеваний (Цизальпинская и Трансальпинская Галлии, Испания, придунайские страны) и под натиском германцев (прирейнские земли, Южная Германия, Англия). В романизованных регионах благодаря слиянию официальной религии с народными кельтскими верованиями создаются смешанные формы (галло-римская, бритто-римская): именно они, за неимением более древних свидетельств, являются нашим единственным источником для изучения местных культов. После принятия христианства, которое с 4-5 вв. утвердилось в странах, сохранивших свою кельтскую идентичность (Ирландия, Уэльс), старая мифология остается только в средневековой литературе: ирландский эпос, валлийский Мабиногион.

Кельтский пантеон воспринял наследие древней индоевропейской жреческой доктрины, согласно которой

вселенная управляется с помощью трех фундаментальных функций власти — магической и одновременно юридической, физической и воинской мощи, экономической продуктивности и демографического роста. Сублиматом всего этого комплекса является царская власть (человеческая и - путем проекции - космическая), по сути своей трифункциональная. Высшие галльские боги из списка Цезаря и пять высших ирландских богов, «потомков богини Дану» (*Túatha de Danann*) во многом тождественны друг другу. Согласно Цезарю, галлы особенно поклоняются *Меркурию* - создателю всех искусств, а также покровителю путешественников и защитнику торговли. Соответственно, самое известное определение ирландского *Луга* - «искусный во многих ремеслах».

68

Оценка Цезаря находит подтверждение и в том, как часто встречается топоним *Лугдунум*, прототип Лиона и многих других названий. Кроме того, в римских Галлии и Британии наиболее почитаемым наряду с Марсом становится Меркурий. Вместе с тем сложная типология этого светящегося бога, обладающего определенной магической силой, свидетельствует о сочетании различных традиций, поэтому он тяготеет к богу первой функции с характерной для царя «всефункциональностью».

Юпитеру Цезаря, который считает его владыкой небесной империи, соответствует ирландский *Дагда* (или *Дагдэ*), чье имя буквально переводится как «добрый бог». Он владеет знанием друидов и вследствие этого воплощает собой бога первой функции, как римский Диус Фидиус, довольно рано поглощенный Юпитером. Несомненно, близок к нему и валлийский *Гвидион* — маг, «познавший все». Кроме того, атрибуты Дагды указывают, что он бог дарующий и отнимающий жизнь (палица), а также бог изобилия (котел). С другой стороны, Юпитер в Галлии - это прежде всего наследник *Тараниса*, бога грозы и космических сил, что выражается символикой колеса, очень распространенной в фигурных изображениях. Рядом с ним находится уподобленный Геркулесу *Огмий*, который воплощает другие аспекты магии: ирландский *Огме* считался творцом магических знаков, легших в основу письменности (*ogam*); как воин, он сражается в рядах племен богини Дану. Действительно, воинская функция (*Марс* Цезаря) в значительной степени отходит или к верховным богам - частично же становится досто-

69

янием племенных богов (галльский *Тутатис*) -или к богиням, покровительствующим воинам (ирландские *Бодб, Морриган*).

Аполлону Цезаря соответствует бог-врачеватель племен богини Дану *Диан Кехт*, который, помимо всего прочего, сделал серебряную руку Нуаду. Однако греко-римский Аполлон поглотил или ассимилировал те божества кельтского континентального мира, которые, будучи целителями, имели, подобно ему, изначальную астральную природу: *Беленос* («Блистающий»), *Бору* или *Бормо* в Испании, *Борманус* («Кипящий») и *Граннос* («Обжигающий») - все это духи горячих источников. Спутница Аполлона-Гранноса *Сирона* (или *Дирона*) - звездная богиня, о чем говорит ее имя. В соответствии с довольно банальной теологией активные воды считаются носителями соляного принципа.

Эпоне (чье имя означает «лошадь»), покровительнице всадников, поклонялись римские воины. *Матри* или *Матроны*, часто составляющие триаду, осуществляют опеку в разных сферах: иногда охраняют место, иногда семью. *Минерва* Цезаря имеет ирландского двойника - бога-кузнеца *Гоибниу* (валлийский *Гофаннын*); она отождествляется с бриттской богиней *Бригантией* (ирландская *Бригита*), имя которой переходит к христианской святости - заступнице Эйре (Ирландии). Возможно, что в народных верованиях обряды, связанные с плодородием или воздействием на природу, стали ассоциироваться с богами, которые первоначально не имели к ним отношения: примером может служить галло-римский Марс.

70

У кельтов был бог погребения: Цезарь приравнивает его к римскому *Диспате́ру* (древний аналог Плутона) и называет отцом галльской расы — скорее всего, это галльский бог с молотом на длинной ручке *Суцелл*, чьи атрибуты, вероятно, перешли к ирландскому Дагдэ.

Куль, гадания и теология находились в ведении друидов (*dru-wid* - очень сведущий), могущественная и иерархически организованная каста жрецов, хранителей передаваемых по памяти знаний, кроме того, они охраняли законы и осуществляли правосудие, занимались метафизикой и естественными науками, составляли генеалогии. Поскольку друиды, как брахманы в Индии, были опорой и защитой политической власти, воспитателями сыновей из знатных родов, в Галлии и Британии они подвергались преследованиям со стороны римлян. Зато их ирландские наследники филиды (*filid* - букв. провидец) передавали христианским монахам свои познания в мирских науках вместе с многочисленными элементами мифологии. Галльский календарь в Колини (деп. Эн) являет собой уникальный памятник друидической науки. Кельтская концепция мира земного и потустороннего, сходная с греческим орфизмом, покоилась прежде всего на неизменности существа, меняющего свои формы: бессмертие души, переход от человеческого облика к звериному, зыбкая грань между жизнью и смертью, существование душ на далеких островах или в курганах.

В целом кельты переосмыслили древнюю социоцентрическую религию, особо выделив функцию верховной власти и включив в нее элементы

71

природно-магического характера. Однако не следует забывать, что прямой оценке поддаются лишь поздние и большей частью бытовавшие в народной среде верования.

2. Германцы.

Германские племена принадлежат к индоевропейскому миру. Вероятно, их первая локализация — Южная Скандинавия и северозападные регионы Европы. В начале нашей эры они разделились на три группы. Западная группа стала родоначальницей фризских языков — англосаксонских наречий, диалектов, получивших название *alfrankische* (старофранкский) и древнего *hochdeutsch* (верхненемецкий). Северная группа включает норвежский, исландский, датский и шведский языки. Меньше всего известна восточная, или остская, группа — готы и вандалы. В бронзовом веке германские племена проникают в Южную Швецию,

Данию и Северную Германию. В течение последнего тысячелетия до нашей эры они распространяются по европейской равнине и встречают заслон кельтских племен, которые занимают территорию от среднего Рейна до Дуная.

В «Записках о галльской войне» Цезарь подчеркивает различия между религией галлов и германцев. У последних нет друидов, отправляющих культ и ведающих жертвоприношениями. У них имеется триада, куда входят верховный бог (Солнце), бог-воитель (Вулкан), богиня плодородия (Луна). Изучая скандинавскую, единственную хорошо сохранившуюся мифологию, Дюмезиль обнаружил наличие двух групп богов — асов и ванов. Подобное

72

существование исполнено глубочайшего смысла: на нем основаны все интерпретации германских и скандинавских мифов.

Асы — верховные божества и носители воинской функции. Ваны — боги земледелия — составляют группу третьей функции. В индоевропейской религии боги занимают центральное место и разделяются согласно трем функциям: высшая власть, сила, плодородие. Это открытие Дюмезиля раскрывает истинный смысл арийской религиозной концепции. На первом уровне мы имеем дело с двумя ликами высшей власти: с одной стороны, власть опасная (Варуна в Индии), с другой — власть милостивая (индийский Митра). На втором уровне находятся сила, битва, война, мощь, добыча. На третьем располагаются боги, дарующие молодость, здоровье, изобилие. Эта жестко структурированная трехчастная теология встречается в Индии, Иране, Риме и Галлии.

Сравнение индоиранских и итало-кельтских религиозных реалий позволяет обнаружить отсутствие в Германии великой жреческой касты, аналогичной брахманам, магам, друидам, фламينا и понтификам, некоторую социальную зыбкость в этой расплывчатой, но определенно индоевропейской системе. Скандинавской триаде — верховный бог Один, бог-громовержец Тор, бог плодородия Фрейр (Ньорд) — соответствует германская триада: Тивас-Водан, Тунра, Нертус. Цезарь говорил о Солнце, Вулкане, Луне. В германской религии наличествует архаическое арийское деление на три части.

У германцев, как и у других индоевропейских народов, функция высшей власти не принадлежит

73

одному богу. В Скандинавии наряду с Одним имеется Улль (Норвегия, Северная Швеция), Тюр (Дания, Скандинавия). В Германии мы находим Водана и Тиваса. Дюмезиль также выявил в двойной фигуре верховного божества Один — Улль символическую оппозицию света и мрака — так же, как в Индии (Митра — Варуна), как в Риме (Юпитер — Диус Фидиус). Кроме того, в этимологии имени Тивас (*deiwo*, санскр. *Devah*, лат. *deus*) мы обнаруживаем бога, который по сути своей является носителем светоносного начала, как Зевс.

Бог воинской функции в Германии — Донар, в Скандинавии — Тор, бог из группы асов. Тунра означает «тот, кто сильно грохочет». Этот бог грозы скор на расправу и вспыльчив, он бьет кулаком или молотом. Друг богов и людей, он защищает их, равно как защищает и святилища. Он красный — это цвет воина у германцев и галлов. Врагами Тора являются великаны, которых он истребляет во множестве. Будучи смелым бойцом, он сражается с космическим змеем, восставшим против богов.

Как бог грозы, Тор связан с плодородием — он дарит дождь. Равным образом он покровитель брака — основы плодородия людей. Именно в качестве бога-воителя включается он в третью функцию — изобилие. Как бог сражений, он стоит во главе космических сил. Бог плодородия и изобилия носят такие имена: ваны, Ньёрд и двое его детей — Фрейр и Фрейя. Бог мореплавателей и рыболовов, Ньёрд также является богом моря. Сын Фрейра, его символ — дикий кабан, управляет стадами; он также бог сексуальных отношений и пробуждает чувствен-

74

ность. Эти оргиастические и фаллические аспекты подчеркивают связь человека с природой. Бог моря Ньёрд и его сын Фрейр, бог плодородной земли и стад, воплощают собой два главнейших аспекта мира и жизни северных народов: землю и море. Однако для плодородия необходимо женское начало — отсюда присутствие богини Фрейи.

Владение богов — *Асгард*, жилище асов или небесный дворец, который именуется также *Химиньберг* или *Брейдаблик*. Космическое древо Иггдрасиль символизирует макрокосм. У подножия этого древа жизни, мудрости, совета бьет источник Мимир, с которым совещается Один, и здесь же находится место для *тинга*, где боги принимают решения. Валькирии ткнут полотно боя, освобождают пленников и утешают скорбящих. Три Норны ведают судьбами. Каждый дух воды играет свою роль. Космический змей, или змей Мидгарда (*Ёрмундганд*), окружает землю и сжимает ее в своих кольцах — тем самым он обеспечивает единство вселенной. Он распустит их, когда начнется *Рагнарёк*, и по его вине наступит хаос. В ярости он вздымает волны. Великаны принимали участие в создании мира — они же способствуют его разрушению. За ними следит Хеймдалль, Тор угрожает им своим молотом. Карлики неустанно трудятся во благо богов и людей: эти благожелательные и готовые прийти на помощь создания появились на свет из костей великана Имира. Эльфы малы ростом, но отличаются большой живостью ума. Светлые эльфы — духи благожелательные, они расточают милости, охраняют ценные вещи и создают произведения искусства. Темные эльфы (*svartálfar*) вызыва-

75

ют болезни и паралич. Дисы — существа женского пола, духи-хранители, прилетающие, чтобы помочь друзьям и сделать бессильными врагов. В этом населении космоса не следует видеть тенденции к анимизму: карлики, эльфы, дисы — существа персонифицированные.

В скандинавских источниках часто встречается одно слово: *regln* — силы, принимающие решение. В жизни германцев ежедневное совещание (*тинг*) богов у подножия Иггдрасиля имеет колоссальное значение, поскольку судьбы мира определяются волей богов. Боги создают связи — *bond*. Тацит (*Германия*) оставил нам описание колдовства, совершаемого при помощи заостренных веточек. Этот текст наводит на мысль о рунах и отсылает нас к Одину, великому мудрецу и создателю руны. Приемы гадания на удивление разнообразны:

ониромантия -толкование снов (*utiseti*) - и общение с незримым миром посредством инкубации; некромантия, заставляющая мертвецов открыть свои тайны и часто практикуемая на могилах; гематомантия, или предсказания, которые делаются на основании того, как вытекает кровь из зарезанной жертвы; орнитомантия, или предзнаменования по полету воронов, орлов и других птиц. Белые кони, выкормленные в священных рощах, запрягаются в колесницу, за которой следует жрец или вождь, чтобы угадать будущее по их ржанию. Еще одна известная Тациту форма гадания — ордалия, «божий суд», в особенности волшебный поединок, участники которого взывают к богам: творцы правосудия, они отдают победу тому, кого считают достойным ее.

76

3. Славяне.

Слово «склавени» произошло от искаженного греческого «словене», в единственном числе - «словенину». Этимология не вполне ясна, поскольку суффикс имеет локализирующее значение. Термин относится к народам, которые говорят на языках, произошедших от одного наречия: этот язык, предположительно восходящий к доисторическим временам, был реконструирован под названием «общеславянского» и встречается в различных вариантах, представляя говор нескольких сообществ (например, нынешние словацкий и словенский). Одно из древних племен русской земли, которое, вероятно, основало Новгород, называлось «словене»; регион между Дравой и Савой, историческим вассальным «царством» франкской империи, позднее получил название Славонии. *Общеславянские верования* - в качестве единой системы наподобие греческого Олимпа — остаются почти неизвестными, если иметь в виду первые письменные источники. Иордан ничего не говорит о религии «склавинов», но называет имя их вождя: *Boz*, которое должно было читаться *Бог*. Это слово могло произойти только от существительного *Води*, которое в различных славянских вариантах означает «Бог» или «божество». Согласно распространенному мнению, в непосредственно предшествующий христианизации период славяне имели «пантеон», составленный из божеств, каждое из которых соответствовало вполне определенной функции, хотя последняя в разных сообществах могла варьироваться, невзирая на один и тот же *пипел* (имя).

77

Сначала основу духовной жизни составляет культ природы и мертвых. Ушедшие в мир иной члены клана становятся объектом культа, так же как и домашние духи; людям внушают страх демоны; примитивные божества часто бывают женского пола. Равным образом окружены почитанием элементы природы, такие, как леса, озера или реки. На втором этапе, шире отраженном в свидетельствах, которые имеют отношение к русским, в эпоху славянского единства появляются собственные божества у каждого клана. Четко выделяется пара Род—Рожаницы, нечто вроде «второго поколения», к которому принадлежит «спутница» — многоликая «богиня-мать». Див-Дива, Вил-Вилы, Троян и Сварог также связаны с этим этапом, когда функции были определены еще недостаточно четко. Великие эсхатологические вопросы пока не ставятся: мертвые продолжают общаться с живыми благодаря циклическому движению. Это этап колебаний между монотеизмом и политеизмом. «Бог» — защитник, существо, дарующее каждому свою долю счастья, процветания, изобилия, о чем свидетельствуют слова «Бог» и «Род». Понятия судьбы нет: при каждом конкретном действии вопрошают богов. Этот период менее освещен в источниках, касающихся западных славян, поскольку авторы этих свидетельств узнали о них значительно позже.

Третья стадия, вероятно, самая важная. Она начинается в тот момент, когда славяне - в частности, племена с берегов Эльбы и стран Балтии — вступают в контакт с более развитыми народами. Индивидуальные персонализации богов становятся более чет-

78

кими; одновременно в пантеон включается «бог воинов» — как следствие развития военной демократии. Финальная фаза представлена «галереей» Владимира, в которой группа уже иерархически организованных божеств наделяется функциями, отвечающими возросшим материальным и духовным потребностям общества, ставшего более разнообразным и создавшего эту иерархию. Западные славяне ощущают необходимость придать своим верованиям форму, более «достойную» христианского противника с точки зрения культуры. Это явление, равно как и неудавшаяся попытка Владимира, напоминает действия римского императора Юлиана Отступника, который стремился сделать античную религию такой, чтобы она могла успешно противостоять христианству. Это стадия возведения храмов и появления четко определенных, «рационально» обустроенных локальных культов. Божества сражений приобретают все большее значение. И уточняется прежде неведомая или находившаяся в небрежении функция *жрецов* - по крайней мере в рамках сообщества западных славян. Что касается русских, то у них «языческая» иерархия, судя по всему, не достигла высшей точки. Слово *srec*, которое использовалось для обозначения жреца в канун христианизации, будет фигурировать даже в письменных источниках, но уже для обозначения христианского священника.

В верованиях древних славян доминирует «оригинальное божество, впоследствии размножившееся». Эту «религию» нельзя назвать ни «монотеизмом», ни «политеизмом», поскольку в ней сочетаются черты и того и другого.

79

РЕЛИГИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ*

Культурный комплекс, известный под названием «месоамериканского», включает в себя большое число различных цивилизаций. Территориально он охватывает пространство средней Америки — долины рек Гранде-де-Сантьяго и Пануко (Мексика), Никарагуа, а также полуостров Никарагуа в Центральной Америке. Хронологически он формируется начиная с 4-го тысячелетия до н.э. (культура маиса появляется около 3500 лет до н.э.), обогащается и развивается согласно миграциям племен, возникновению и упадку городов. Разрушается он только в начале 16 в. н.э. вследствие испанского завоевания.

Само собой разумеется, что такому громадному во времени и пространстве комплексу присуще большое разнообразие религиозных традиций. Верования, мифы, ритуалы, теснейшим образом связанные со всеми социальными и психологическими структурами, имеют в каждой цивилизации свои оригинальные черты. Центральномексиканские народы, разделенные громадными расстояниями и опасными природными преградами, часто развивались по-своему, не испытывая влияния других племен. Так, к примеру, культ божественного ребенка в облике хищника представлен только в религии ольмек. Совокупность мифов и обрядов, занимавших главное место в религии племени хуичоли - а именно культ пейот-ля", - встречается только у этого народа.

* Жак Сустель.

** Галлюциногенный кактус. - Примеч. перев.

80

Однако месоамериканские религии имеют множество сходных черт — именно эти аналогии и создают их «облик», характерный для цивилизаций средней Америки. Вот главные из этих черт.

1. Космология.

1. **Космология.** Мир осмысливается как непрочная, подверженная угрозам реальность. Он разрушался и создавался вновь несколько раз (как правило, четыре) до появления нынешней вселенной, которая также обречена исчезнуть в некоем космическом катаклизме.

2. Время и предопределение.

2. **Время и предопределение.** Цивилизованные народы этой части континента разработали удивительную календарную систему и систему исчисления времени, которые, в частности, позволяли узнать судьбу любого человека, строго предопределенную с момента его рождения. Майя обожествляли само время, считая каждый период божеством. У других индейских племен, например ацтеков, «счет дней» (*tonalpohualli*, что можно перевести и как «счет судеб») полностью доминировал в жизни людей и города.

3. Политеизм,

3. **Политеизм**, универсальный феномен, особенно был развит и распространен у коренных жителей Центральной Америки. Разумеется, чаще всего встречается изначальная пара, но различные племена охотно позаимствовали многих чужих богов, которые вышли на авансцену и стали героями мифологических рассказов. Эта тенденция достигает апогея у ацтеков, чей пантеон переполнен иноземными божествами, «присвоенными» победоносной империей. В этом пестром сборище можно выделить отдельные категории: божества земли, воды, расти-

81

тельности; божества неба, звезд; боги - покровители того или иного народа, например Камаштли в Тлак-сале или Уицилопочтли в Мехико; «корпоративные» божества, как Уиштосиуатль, покровительница солеваров, Йакатекуштли, бог торговцев, или Шочицеаль, богиня распутниц; божества, помогающие во всякого рода деятельности: Тласольтеотль (любовь), Айопештли (рождение), Цензон Тотохтин (опьянение), Атлауа (охота на водных птиц).

4. Амбивалентность богов,

4. **Амбивалентность богов**, одновременно благостных и грозных, характерна почти для всех мифологий. В частности, она присутствует в религии майя, где, например, бог дождя Чак имеет два лика — подобно своему мексиканскому аналогу Тлалоку. В целом богов считали требовательными и завистливыми, алчущими даров и жертвоприношений, скорыми на расправу. Некоторые из них, в частности юный бог майя, «принц цветов» Шочипилли или Кецалькоатль у ацтеков, считались скорее милостивыми.

5. Обряды

5. **Обряды** этих религий, бесчисленные и тщательно регламентированные, занимали очень большое место в жизни людей. Эти церемонии, возглавляемые жрецами в изысканных одеяниях, отражены в настенной живописи ольмек, теотиуаканов и майя, а также в скульптурных изображениях. Многочисленное и влиятельное ацтекское жречество подразделялось на коллегии, подчиненные тому или иному храму. Месоамериканские ритуалы включали в себя жертвоприношения: добровольную смерть на алтаре, принесение в дар растений и животных, а также человеческие жертвы. Последний обряд при-

82

обретает все большее значение начиная с 15 в. в ацтекской империи и у майя, заселивших Юкатан. У жертвы вырывали сердце: из всех видов человеческих жертвоприношений подобное умерщвление является типично месоамериканским.

6. Синкретизм.

6. **Синкретизм.** В противоположность инкам ни один из народов Центральной Америки, будь то майя, тольтеки или ацтеки, не пытался навязать свою религию другим народам в качестве единственно и безоговорочно истинной. Отсюда поразительный политеизм, о котором было сказано выше. Важную роль в этом сыграла и тенденция к синкретизму: ассимиляция Кецалькоатля под именем Кукулькан юкатанскими майя, учение о четырех Тескатлипока у ацтеков, культ верховного бога для царя-поэта Нецауалькойотля. Эта тенденция, глубоко проникая в сознание индейцев, сохранилась после завоевания и христианизации, проявившись в идентификации Гваделупской Богоматери с богиней земли и луны, владыки Шалма — с ацтекским божеством Оцотеотлем, богом пещер и т.д.

ГНОСТИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ

Гностические течения 2 и 3 вв. представляют собой не религию в прямом смысле этого слова, а очень устойчивое, сохранявшее влияние на протяжении нескольких веков направление в Азии, в средиземноморском мире, затем в Центральной Европе. Сюда же относятся и средневековые дуалистические ереси: богомилы,

катары, мессианисты, павликиане.

83

Объединяет их антикосмизм. Дуалистическая структура - *здесь* (эмпирический, материальный, изменчивый, темный мир) и *там* (трансцендентальная, возвышенная, нетленная, светлая вселенная) - выстроена на основе монизма. Спасение понимается как отказ от мира земного и возрождение утраченного единства в мире дольнем, соединение духа со своим небесным двойником, возвращение Плеромы*.

* *Совокупность всех эонов. - Прим. перев.*

Глава 4. РЕЛИГИИ АЗИИ, АФРИКИ, АВСТРАЛИИ

ИНДУИЗМ*

По словам самих индусов, индуизм представляет собой скорее группу религий, а не какую-то одну религию в собственном смысле этого слова. Поэтому его нелегко представить или определить в форме общепризнанной и авторитетной для всех концепции - особенно если учесть, что какая бы то ни было «ортодоксия» здесь отсутствует. С этой точки зрения слово *индуизм* является ложным. Кажется, впервые его употребил в 1823 г. Раммохан Рай, который создал его на основе существительного «hindos», добавив терминологический суффикс по аналогии с другими *измами* английского языка. До этого говорили о религиях, нравах и обычаях индусов, что было гораздо точнее. Ведь если и имеется нечто общее в многообразных формах, составляющих само содержание индуизма, так это их принадлежность индусам, т.е. социологической, исторической и географической среде бассейна Инда, Индии

* Мишель Делаурт.

85

гангской и Индии дравидической - среде, существующей на протяжении многих тысячелетий вплоть до наших дней.

1. Происхождение феномена индуистской религии.

На всем пространстве Индийского субконтинента еще бытовали местные традиционные культы, когда во 2-м тысячелетии до н.э. в бассейне Инда появляются арийцы и начинают медленное продвижение к бассейну Ганга, где им предстоит обосноваться задолго до рождения буддизма (6 в. до н.э.).

В течение этого периода арийцы и жители регионов, подвергшихся арийской ассимиляции, создают ряд литературных текстов на санскрите под общим названием *Веды*, или «познание», в которых суммируются все учения в области литургии и теологии. Зародившуюся в этот период в бассейнах Инда и Ганга религию сегодня обозначают термином «ведизм»: мы можем судить о ней только на основании *Вед*, поскольку все археологические свидетельства эпохи отсутствуют. Суть этой религии составляют определенный политеизм реальности и, быть может, духа; первостепенное значение жертвоприношений; возрастающая сложность литургии; постепенное формирование философских и теологических умозрительных построений. Их кульминацией становится появление объединяющих жизнь великих религиозных и мистических понятий - брахман, атман, карма, сансара, мокша — глубинный смысл которых по сей день пытаются постичь индийские мыслители. В конце этого периода в ведических текстах встречаются

86

первые упоминания о йоге и бхакти или поклонении персонифицированному божеству.

Люди в поисках персонифицированного божества обратились к ведическому богу Рудре, ассимилированному с Шивой, который некогда мог быть богом племени неарийского происхождения, а также к ведическому богу Вишну. Так зародился двойной культ, получивший впоследствии важнейшее значение. В двух великих этосах эпохи - *Махабхарате* и *Рамаяне*, составленных на основе примитивных баллад, повествующих о подвигах племенных вождей, — культы Шивы и Вишну соединены с культами Васудевы Кришны (например, в *Бхагавадгите*) и Рамы.

Растущее влияние этой народной религии неизбежно привело к появлению сословия брахманов, которые занялись ее систематизацией, создав философские системы или *даршаны*.

2. Индуистские божества.

Во все времена в индуизме, как древнем (ведизм), так и новом, существовало множество богов. За долгий период его исторического развития сменилось несколько мифологических систем и сформировались различные теории, пытавшиеся рационально обосновать присутствие этих божеств.

В первой мифологической системе, еще присутствующей в *Ведах*, на первый план выдвигаются Митра и Варун с их функцией верховной власти. Эту систему быстро вытеснила другая во главе с Индрой, чья воинская функция больше подходила арийским племенам в период их территориальной экспансии.

87

Индра возглавляет пантеон из тридцати трех богов. В эпоху брахманов Праджapati, владыка всех сотворенных существ, занимает первое место среди богов, которые объявляются его потомками. В эпоху *Упанишад* в космогониях или описаниях различных миров, по которым человек странствует после смерти с целью достичь брахмана, появляется Брахма (или Брахман), персонификация самого брахмана или Абсолюта. Сейчас в божественном пантеоне доминируют Шива и Вишну. Вместе с Брахмой, чья роль стала второстепенной, они составляют триаду или Тримурти, которую неверно именуют индуистской Троицей.

Природа этих божеств понимается по-разному. В эпоху *Упанишад* боги включены в феноменальный мир множественности. Не они дают человеку возможность обрести цельность и свободу. Впоследствии индусы пытались придать некую устойчивость этому миру божеств, но брахман и атман по-прежнему превосходят их своей трансцендентальностью. Мир богов обретает ценность в силу многих значений: это идеальный духовный мир, который больше напоминает мир идей Платона, чем наш земной мир, чьей сущностью они обладают. Так, Гандхарвы - небесные музыканты - легки, как воздух, и питаются запахом (gandha) растений (например, трав). Боги Шива и Вишну имеют жен, но сыновья Шивы — Ганеша и Сканда — появляются на свет не путем зачатия, а благодаря искусной уловке. Парвати удается привлечь внимание мужа своей красотой и подвижничеством. Боги прекрасны. Тело их блестит, как золото. Ведь они - девы, светонос-

88

ные существа, родственные свету (корень DIV) дня (*лам. dies*).

Что касается Вишну, который уподобляется Пуруше (Космическому человеку) и, следовательно, Космосу

(песни X и XI *Бхагавадгиты*), он исполняет роль Провозвестника божественной истины. Его многочисленные аватары делают еще более зримым и осязаемым присутствие божеств в нашем мире. А Раму Тулсидас представляет богом персонифицированным и трансцендентальным.

3. Божественное в индуизме.

Со времен *Ригведы*, которая состоит из посвященным божествам (*deva*) гимнов, до эпохи Тагора (присутствие и метаморфозы божеств) и Шри Ауробиндо (Божественная Жизнь) Индия проявляла постоянный интерес к божественному в такой степени, что приобрела репутацию страны, сделавшей его объектом всех своих устремлений и считавшей божественный статус идеалом для человека. В индуизме божественное характеризуется прежде всего трансцендентальностью по отношению к человеческому, а статус определяется тем, что эти существа бессмертны, светоносны, милостивы, освобождены от тягот и страданий земной или потусторонней жизни. Вторая характерная для Индии особенность: божества вездесущи, причем не только в гиерофаниях (источники, деревья, реки, скалы или камни, сакральные или освященные обрядами места, храмы, статуи и пр.), но и в теофаниях — сам человек считается проявлением божественного, обладает той же природой, что и боги, или превосходит их своей сокровеннейшей реальностью, своим атманом.

89

Когда человек экзистенциальным способом открывает в себе атман, в нем также проявляются черты божества: физическое и нравственное сияние, блаженство, достижение бессмертия, освобождение от любого служения и пр.

И наконец, еще одна типичная для Индии черта — убеждение в том, что человек способен ценой собственных усилий превзойти свой человеческий статус и достичь статуса божества. В нем таится божественная жизнь. Следовательно, он может путем глубокого проникновения пробудить ее, так как она остается сокрытой из-за его невежества, нравственных изъянов и проступков.

Индийские мыслители настолько были поглощены божественным, что навлекли на себя упреки в том, что пренебрегли человеком и не смогли определить его место во вселенной. В целом для индуистской философии человек — это прежде всего потенциальное божество. Все другие отношения — семейные и кастовые, телесные и материальные — должны уйти в тень в силу своей тленности. Лишь божественное пребывает вечно.

БУДДИЗМ*

1. Происхождение.

Буддизм — религия историческая: он имеет основателя и в этом смысле коренным образом отличается от индуизма, из которого возник в конце 6 в. до н.э.; кстати, в одно и то же время в том

* Пьер Массен.

90

же регионе, что и джайнизм. Ибо Будда Шакьямуни, достигнув Просветления, начал проповедовать свое учение около 525 г. в бассейне Ганга. В северной Индии 6 в. стал периодом великого интеллектуального и духовного брожения. Духовная элита, состоявшая в основном из брахманов и аскетов (шрамана), пыталась разрешить некоторые из проблем, которые мы можем обнаружить в «Брахмаджаласутре» (сутра первая из *Дикха-Никайя*): мир конечен или бесконечен? Вечен или ограничен во времени? Человеческая сущность (*atman*) вечна или ограничена во времени? Мир и Сущность порождены каким-либо другим существом или же возникли сами по себе? Может ли человеческий разум обрести надежные знания или осторожность требует не признавать истинным ни одного суждения? Сохраняется ли Сущность после смерти? Если сохраняется, сознает ли она себя или не сознает? Имеет форму или лишена ее? Конечна или бесконечна? Едина или разнообразна? Счастлива или несчастна? Или Сущность все же полностью разрушается, подобно телу, после смерти?

На эти вопросы Сиддхартха Гуатама — Будда — даст свой оригинальный ответ. Ибо он, сохранив ведические понятия кармы и сансары, решительно отвергнет атман: согласно его воззрениям, Сущности нет как в плане личном, так и в универсальном; таким образом, от учения *Упанишад* об идентификации Атмана-Брахмана ничего не остается. Так, доктрина *анатты* (*anatta*) занимает главенствующую позицию в буддизме и характерна только для него.

С другой стороны, Будда столь же решительно отказывается отвечать на вопросы о мире, его про-

91

исхождении, конечной или бесконечной, вечной или тленной природе: по его мнению, это вопросы праздные, поскольку человек, даже получив на них ответ, не освободится от страданий (*dukkha*). Но человек стремится избавиться от зла и сделать это как можно быстрее: особенность Будды состоит в том, что он определяет причину страданий, утверждает, что ее можно устранить, и указывает путь, каким должно следовать, чтобы ее устранить и достичь прекращения страданий, что равносильно достижению нирваны. Эти мысли четко сформулированы в бенаресской проповеди, где изложена доктрина о Четырех Благородных Истинах.

Примерно 45 лет Будда с успехом проповедует свое учение; число его учеников — как монахов, так и мирян — стремительно растет, а после его смерти буддистский Путь является не столько инакомыслием и ересью по отношению к индуизму, сколько новой, отличающейся от всех других религией, которая вскоре создаст многочисленное и процветающее сообщество своих приверженцев.

2. Божества и спасение в буддизме.

Место и роль божеств в буддизме большого значения не имеют: релятивизация божественных или небесных существ явилась следствием присущего ему резко критического отношения к божественному. Однако очень гибкая космология буддизма позволила сохранить немалое число существ, божественность которых состоит в превосходстве над человеком и которые обитают в одном из небесных жилищ: таким образом, были легко

ассимилированы раз-

92

личные божества, принадлежавшие к местной религиозной традиции в тех странах, где утвердился буддизм. Но они практически ничего не могут сделать для спасения человека, поскольку входят в мир феноменов и, чтобы достичь Нирваны, сами нуждаются в освобождении от цепи новых рождений. Более того, образованные буддисты признают за ними только символическую ценность и считают их некой проекцией разума, от которой человек должен в конечном счете избавиться, используя ее иллюзорный характер. Невозможно перечислить здесь всех воспринятых буддизмом божеств, так как для этого пришлось бы описать все различные культурные ареалы, в которых он развивался. Важнее отметить то, что главным образом в *Махаяне* и на уровне народного буддизма все многочисленные Будды и Бодхисатвы почитаются как божества. Но поклонение, почитание или культ, объектом которого они являются, следует рассматривать в рамках созданной буддизмом концепции божественного.

Буддизм — это религия или философия? Трудный, а для его приверженцев неверно сформулированный вопрос, поскольку они отвергают тесные границы наших европейских категорий. Это разделение между философией и религией грозит нам вступлением на ложный путь, поскольку ему нет места в столь единой вселенной, как индийская культура. Но как понять религию без Бога? Разумеется, все зависит от определения, что такое религия.

Однако в историческом смысле становится неизбежной следующая констатация: с момента возникновения буддизма и по ходу его дальнейшего

93

развития поведение буддистов было поведением религиозным. И это свидетельствует о наличии потребности в спасении. Буддистское учение стремится внушить человеку мысль «об изначальном несовершенстве этого изменчивого мира» в сравнении с блаженством, которого он жаждет достичь. Но такая мысль может возникнуть лишь при стремлении к абсолюту, запечатленном в сердце человека, и убеждении, что только его достижение способно спасти человека, т.е. избавить его от всех страданий и даровать желанное бесконечное блаженство. Будда же проповедовал Путь, который открылся ему во время Просветления и «который ведет к миру, мудрости, Просветлению и Нирване». Следовательно, буддизм — религия, ибо суть его — в обретении спасения.

Конечно, Будда не провозглашал себя спасителем. Он указывает путь, но сам этим путем не является. Вместе с тем все духовные устремления буддизма направлены к полному и окончательному спасению, хотя суть его никак не конкретизируется. Оригинальность буддистского учения состоит в том, что предлагаемое им обращение черпает свою силу и ориентируется исключительно на негативный полюс (от чего человек жаждет избавиться), тогда как позитивный полюс остается абсолютно пустым. Но именно поэтому нельзя интерпретировать буддизм как комплекс неких средств, позволяющих посвященному достичь цели собственными силами и наверняка: спасение было бы тогда результатом осмысленных действий. Однако Нирвана — как Абсолют — не может быть результатом чего бы то ни было. Роль буд-

94

дистского пути состоит лишь в стремлении, и невозможно предугадать, когда оно будет реализовано, ибо это будет внезапный прорыв. Буддист должен развивать в себе состояние бдительного ожидания и восприимчивости, которая являет собой открытую в трансцендентальность дверь.

Кроме того, направляя человека к спасению, буддистский путь предлагает средства, которые можно назвать спасительными. И первое из них - Убежище. Буддист обретает его в Будде, Дхарме, Сангхе: им он доверяется целиком и полностью. Среди этих «трех убежищ» следует подчеркнуть превосходство Дхармы. Спасительным является само учение: Будда всего лишь открыл его и стал проповедовать; а сообщество монахов находит смысл своего существования лишь в том, чтобы исполнять его и разъяснять. Тем не менее роль Будды чрезвычайно важна: вера в Будду (*shraddha*) спасительна, поскольку именно благодаря ей буддист реально вступает на путь своего освобождения.

Другое важное условие успешного прохождения пути — вера в духовного наставника, *гуру*, который ведет своего ученика, указывая нужное направление и проверяя каждый пройденный этап. Вера в гуру приобрела особое значение в *Махаяне*, в частности в тибетском буддизме, где безоговорочная преданность Ламе — почитание в самом высшем смысле этого слова - рассматривается как единственное средство спасения.

Особо отметим то значение, которое придается развитию благожелательности — сострадания (*mettā-karunā*): буддизму свойственно глубокое осмысле-

95

в экзистенциальном плане этой духовной добродетели, одновременно призванной бороться с эго-центризмом во всех его видах, способствовать осознанию универсальной взаимозависимости и стать средством общения. Но развивать правильным образом эту добродетель, как и все остальные, позволяют, прежде всего, восемь этапов Благородного Восьмеричного Пути (*Aniṣa-atthangika-magga*). Наконец, в Махаяне преобладающим стало почитание Бодхисатв и благодетельных Будд.

Итак, буддистский путь содержит значительное число спасительных средств. Но все они служат не столько причиной, сколько дополнением к Просветлению.

ДАОСИЗМ*

Даосизм формировался в Китае на протяжении долгого времени. Даосизм — религия, этическая система, космогония и вдохновение, которое пронизывает все действия китайца и любого другого человека, принявшего это учение. Название «даосизм» происходит из идеограммы и звучания слова «дао» (*dao*).

1. Путь. Дао

Дао обычно означает «путь». В китайском языке это слово обладает многозначностью и богатым

содержанием, присущими китайской цивилизации, В важнейших своих значениях Путь представляет собой истинную, существующую изначально и облада-

* Клод Пар.

96

ющую собственной движущей силой Реальность - это бегущая сама собой дорога. Одновременно Путь лежит в основе всего, что существует. Человек, рожденный Путем, живет со своими родителями — Небом и Землей. Благодаря им он постигает Путь, образец и учение для всей жизни, начало и завершение любого развития. Слова, которыми мы пользуемся, пытаемся выразить факт существования, невнятны и бессильны. Ибо язык никогда не может сравняться с Реальностью. Нужно не столько рассуждать о Пути, сколько подчиниться естественному влиянию, которое он оказывает на нас. Путь принимает того, кто его находит или, точнее, обретает вновь. В течение всей нашей жизни следует просто пребывать в тайне, которая нас окружает и имеет к нам прямое отношение. Будем хранить молчание, прерываемое восторженным мычанием, открыто признаем нашу зависимость и приложим все мыслимые усилия, чтобы жить без усилий, предадимся упорному учению, которое состоит в том, чтобы разучиться всему, вернемся без промедления к Пути. Делая это, мы все прочнее укореняемся в подлинном и вечном. Простое (*Su*), Грубое (*Pu*), Природное (*Ziran*) все сильнее привлекают нас. Мы все больше любим это таинственное присутствие, которое ощущаем, хотя никогда его не увидим: оно присуще всему и над всем возвышается. Оно определяет, в нас самих и через нас, ритм движения ткацкого станка. Оно действует повсюду, и только в приближении к нему проявляет себя бесконечная и безмятежная гармония, которая примиряет в единстве происхождения Десять тысяч существ, возникших под Небесами. Человек — это странник, изумлен-

97

ный существованием и вопрошающий, если он мудр, о дороге, о завершении, о смысле странствия. Если же он безумен, исцелимо ли безумие его? Разумеется, мудрецы - приверженцы даосизма, которым можно только позавидовать. Поэтому в литературе и искусстве их часто показывают в состоянии экзальтации. Ибо они обрели спасение в Пути.

2. Поиски Долгой Жизни.

Даосизм, который можно исповедовать в монастыре или в отшельническом одиночестве, а также — и гораздо чаще, чем думают, — в повседневной жизни, представляет собой поиск Бессмертия или Долгой Жизни. На Западе его обычно называют даосизмом религиозным или близким к религии, что, скорее всего, неправомерно. С другой стороны, религиозными проявлениями народного даосизма можно считать посещения всякого рода заступников: целителей, хранителей талисманов, предсказателей судьбы, провидцев, дервишей и прочих медиумов во время эпидемий, катастроф, семейных несчастий; а также молитвы, дары, елей, возжигаемый перед изображениями и статуями божеств и святых. Хотя невозможно определить истинно даосистский характер этих проявлений набожности и почитания высших сил, столь же трудно отрицать их принадлежность к религии.

Приверженцы даосизма пребывают в поиске, занимаются упражнениями, исполняют многочисленные гигиенические требования, они алхимики внешнего и внутреннего творения, гимнасты, принадлежащие к различным традиционным школам йоги, поэты, каллиграфы, художники, знатоки акупунктуры, адеп-

98

ты многих ремесел и традиционных искусств. Они размышляют о сущности Пути, осмысливают в своих медитациях и обсуждают его, обогащая из поколения в поколение драгоценное Сокровище Дао. Очевидно, здесь можно говорить — но в очень широком, не исключающем религиозного даосизма смысле — о создании системы мира, о философии даосизма.

В заключение следует сказать, что для даосизма все человеческие поступки интегрирует и объединяет сама жизнь. Столь привычное для нас разделение светского и религиозного чуждо китайскому миру. В этом смысле люди, отвергающие религиозный образ жизни, в душе религиозны, а люди, преисполненные почтения к Небу и должному миру, твердо стоят обеими ногами на земле.

РЕЛИГИИ ЧЕРНОЙ АФРИКИ'

На обширном континенте Черной Африки сформировались разнообразные сообщества. Они занимают различное место во времени, в пространстве и истории согласно специфике структуры, организации и социально-религиозного равновесия. Разнородность культур, проявившаяся и в многочисленных языках, затрудняет создание целостной картины африканских религий. Они, впрочем, никогда не отличались статичностью ритуалов или устойчивостью в традиционном выражении их веры: в основополагающее достоинство личности, уважение индивидуальной и коллектив-

* Андре Буланже.

99

ной ответственности в значении всеобщего братства, осознание причастности человека к динамическим силам Слова и Жизни. Именно в этой «сфере», сочетающей глубину мысли и действия, африканские религии — казалось бы, совершенно не похожие друг на друга — объединяются на основе фундаментов видения мира и создают общее, присущее только им поле напряжения.

Такое обобщающее видение существования придает единство социально-религиозной жизни. Человек создал себе «пространство для дыхания», которое дает ему жизненное равновесие и мудрость. Идентифицируя вселенную и ее силы, он производит собственную идентификацию и тем самым успешно борется с тяготами существования — тяготами, свойственными, впрочем, любому человеческому существованию.

1. Единство жизни.

По определению М. Гриоля, религиозные чувства африканцев представляют собой «систему отношений

между зримым миром людей и незримым миром, которым управляют Творец и силы, известные под разными именами, но являющиеся порождениями единого Бога и призванные исполнять всевозможные функции». Стремление к обретению цельности подталкивает человека к выходу за пределы его существования. Многообразие религиозных обрядов свидетельствует о желании слиться с единством жизни и о вере в жизнь-плодородие, личную силу созидания и обновления. Эта объединительная динамика присуща основным отношениям между силами незри-

100

мого «Там» и силами человеческого «Здесь». Именно поэтому применительно к африканским религиям недостаточно таких определений, как анимизм, поклонение предкам, фетишизм: они никоим образом не отражают всего религиозного контекста, а служат лишь для обозначения различных измерений одной и той же реальности, различного подхода к основополагающему видению мира - единству в разнообразии; ЕДИНУМУ видению, обогащенному этими разными подходами, посредством которых человек глубже осознает свою социально-религиозную идентичность африканского человека.

«Человек, замкнувшийся в самом себе, — это мертвый человек» - говорят люди племени *Зела* (юго-восток Заира). Человек, живущий в своем временном и конечном измерении, замыкается во вселенной, созданной им по мерке собственной малости. Этот «уход в себя», синоним смерти, воспринимается как поведение в высшей степени злокозненное (антисоциальность колдуна), как антиномия космического религиозного видения, открытого для жизни и ее динамики, основанного на единстве жизни. Благодаря такому осмыслению мира человек в своем становлении перемещается в трансцендентальное время, пространство и существование. Человек превосходит самого себя в конструктивных отношениях с Богом при посредстве связующих сил — предков, духов, демонов и пр. Жизнь участника и соучастника становится пространством, где человек ощущает себя центром — точкой взаимодействия зримого и незримого миров.

101

обходимым как для «жизни» потомков, так и для «сверхжизни» самих предков. Следовательно, достичь этой «сверхжизни» можно только благодаря «памяти», которую живые хранят о них, «словом», которым обозначают их «власть», обеспечивающую порядок, и особенно возможностью «реинкарнации» в еще не рожденных сыновьях.

4. Духи и демоны.

Кульτ предков с его ритуалами и верованиями универсален для всей Черной Африки. Но наряду с этим вечным и однородным культом существуют чрезвычайно разнообразные отношения с другими категориями незримых сил. Эти высшие существа, которых исследователи именуют второстепенными богами, духами или демонами, образуют духовно-этническую иерархию, в основе которой лежит природа их отношений с человеком, обществом и окружающей средой.

Во главе пантеона высших сил часто находится Просветитель, Наставник, Правитель начального мира, сын небесного Творца и Матери-Земли или первый человек, сотворенный Богом, отец всех людей. У *догонов*, например, *Номмо* третий (поскольку два первых находятся вместе с Богом *Амма*) имеет важнейшее значение. Он прародитель человечества, мифический отец-цивилизатор, научивший людей добывать огонь, готовить пищу, делать глиняную посуду, применять различные инструменты и т.д. Он же — «Слово», «Бог вод», и в своем качестве *Номмо*, принесенного в жертву и воскресшего, является гарантом мирового порядка и хранителем жизни. Это сила покровительственная и плодородная.

104

Независимо от того, находится ли первый Наставник, прототип человека, на вершине иерархии или нет, невидимая вселенная в основном населена духами или демонами самой разной природы: иногда они дополняют друг друга, иногда находятся в оппозиции между собой. Эти существа могут быть туземными или воспринятыми у других племен, но чаще всего это духи транса и обладания. Они могут быть также мифическими предками или обожествленными историческими персонажами (цари, прорицатели...). Некоторые перемещаются, прочие ведут оседлый образ жизни, будучи привязаны к определенному месту. Одни благосклонны к людям, другие по своей природе амбивалентны, третьи явно враждебны человеку. Сфера действия и влияние этих «второстепенных божеств» еще больше подчеркивают различия между ними и их место в религиозной иерархии. Ибо некоторые категории духов обладают «именной» и четко выраженной персонификацией. Они связаны с человеком личными отношениями, например вводят в транс и даруют обладание: у *сонгаи* это разделенные на семьи *Холи*, у нигерийских *хауса* — *Бори*, в стране *Фон* — *Водун*, у заирских *зела* — *Бисимба* и т.п. Что касается духов природы, владык земли и вод, то они чаще всего предстают существами «анонимными», иными словами, их можно различить между собой только по территории, которую они охраняют: они непосредственно связаны с землей на правах управления и косвенно с теми, кто обитает на этих землях. Отметим еще среди второстепенных божеств тех, кто ведает атмосферными

105

явлениями (дождь, гром, молния, ветер...), создателей ремесел, духов земли, охоты, рыболовства, кузнечного дела, духов - хранителей царства, духов - защитников деревень и т.д. Заросли кустарника, рощи и леса населены всякого рода «гномами» или «лешими»: это крохотные невидимые существа, первые жители этих мест, сотворенные до человека, повелители диких животных. Имея человеческий облик, они все довольно безобразны: очень маленького роста, с громадной головой, часто с вывернутыми ногами, пронзительным голосом. Они любят подшутить над человеком, а порой откровенно злонамеренны.

Африканец воспринимает составляющую вселенную иерархию незримых сил как живую, не застывшую в четко определенных границах. Эта религиозная структура постоянно меняется: некоторые духи природы могут быть обожествленными предками какого-то местного клана, но именно этого, а не других. У племен *серер*, *конго*, *догон* и других «предки являются божествами, обладающими собственным алтарем, жрецами, культом». Поэтому такие понятия, как предки, Просветитель, второстепенные божества, духи и демоны, лишь

частично отражают значение терминов, используемых в африканских языках, и никогда полностью не передают их содержания.

5. Обряды.

Для африканца незримая вселенная обладает такой же, если не большей, реальностью, как и зримая вселенная. Человек может остаться «живым», только пребывая в ежедневном поиске

106

сакрального общения с предками и второстепенными богами, которые осознаются как посредники и связующие звенья между людьми и божеством. Этот необходимый контакт с незримым миром выражается в определенных социально-религиозных жестах и поступках, кодифицированных в ритуале. Ритуал придает сакральное значение самым важным моментам жизни: рождению, достижению половой зрелости, браку, смерти. Он удостоверяет подлинность сил «Того мира» и их связь с группой во всех сферах ее деятельности, в ее желании сплотиться, разрешить конфликты, продолжить существование рода или клана. Разнообразие обрядов — инициация, очищение, благодарение, умилоствление, поминовение... — определяет «настоящее» человека, служит каждодневным подтверждением его принадлежности к двум мирам, зримому и незримому. Многие обряды также открывают человеку смысл существования, одновременно индивидуального и коллективного, так как воплощают в жизнь спасительные мифические истины. Сам же миф осмысливается как изначальное и первое Слово, данное раз и навсегда, сохранившее свою значимость, создающее «смысл». Типичный пример такого подхода - космогоническая легенда *догонов {Бледный Лис}*. Истинное познание «Архетипического слова» равносильно мудрости, если не нарушена гармония между «унаследованным» словом человека и первым Словом. Мудрое Слово неразрывно связано с обрядом, определяя в конечном

* Вероятно, имеется в виду шакал Йуругу. — Примеч. перев.

107

счете его полезное действие. Общение человека с Богом через посредство вспомогательных сил (предки, духи, демоны...) становится «диалогом», где различные слова, обладающие собственным местом в иерархии, соединяются друг с другом во благо всего сообщества. Важную роль в социальной гармонии играют религиозные посредники — жрецы, прорицатели, медиумы.

Большинство обрядов, целью которых является достижение порядка и социального равновесия, общение и соединение с высшими силами, всегда включают либо приношение даров, либо кровавое жертвоприношение. Именно в даре/жертвоприношении наилучшим образом выявляется суть африканской религиозной концепции и ее укорененность в повседневную жизнь: связь с силами «Того мира», жизненно важный обмен с потусторонним, соединение и общение с предками и т.д. Должным образом «питаемые» незримые силы обеспечивают тем самым свое «выживание». В благодарность они дают человеку силу, «восстанавливают его жизненную энергию» посредством совместного пиршества. Этот жизненно важный круговорот, выражающий и обновляющий семейный и социальный порядок, космическое соучастие живых существ и неодушевленных предметов, дарует африканцу то «пространство для дыхания», которое позволяет ему преодолеть неизреченное, непознаваемое человеческого существования. Тем самым он неустанно стремится обрести изначальное единство, символизированное мифическим Предком, Первородным, которому Бог даровал «первое Слово» жизни.

108

РЕЛИГИИ АВСТРАЛИИ*

Племена этнических аборигенов Австралии, из которых наибольшей известностью пользуются, конечно, *аранда*, в религиозном отношении не слишком отличаются друг от друга.

Первое из их верований, отраженное в *мифах о происхождении*, относится к так называемой «эпохе сновидения» — первобытной эпохе, в ходе которой сверхъестественные существа, тотемные предки или культурные герои создали мир таким, каким он существует, включая все человеческие установления — иными словами, цивилизацию. По окончании этого космогонического периода сверхъестественные существа исчезли. Некоторые, изнуренные созидательным трудом, ушли в землю, откуда продолжают следить за человеком. Другие поднялись на небо и потеряли всякий интерес к людям. Каждая этническая группа признает одного «Всеобщего Отца», который именуется также «Великим Богом» или «Хозяином Неба». Имя этого высшего существа известно лишь посвященным. Смерть появилась среди людей, когда произошел резкий разрыв отношений между небом и землей. Но во время «эпохи сновидения» каждый человек был создан по образу какого-нибудь духа. После смерти он обретет свое пренатальное, духовное состояние.

Цель австралийских *обрядов* — оживить это мифическое прошлое, воссоздать путь, который ведет от земного хаоса в мир сакральный и упорядоченный.

* Рене Бюро.

109

Человеческий цикл — это элемент космического цикла. Необходимо без устали восстанавливать креативную силу изначальной эпохи, вновь установить постоянный контакт со сверхъестественными существами. Основные обряды относятся к инициации, включающей в себя обрезание, ритуалы огня, очищения, плодородия и пр. У мужчин и женщин инициация продолжается посредством тайных обрядов.

Люди-знахари, аналогичные азиатским шаманам, проходят особую инициацию, где важную символическую роль играют кристаллы кварца. После этого они могут вступить в контакт со сверхъестественными существами. Их духовная сила позволяет им исцелять, принимать участие в инициациях юношества и, главное, защищать людей от черной магии. Когда кто-либо умирает, именно человек-знахарь руководит поисками «убийцы», колдуна — пожирателя душ; он же играет важную роль в погребальных обрядах.

Столкновение с западным миром привело, как и в других местах, к появлению *новых религиозных движений*.

Так, в культе *Курангара* традиционные религиозные ценности уступают место магии: это нечто вроде тайного общества, члены которого прибегают к опасным магическим средствам. *Мулонго* представляет собой миллениаристский, пророческий культ, в котором помимо прочих обрядов изображаются мимические сцены войны с белыми вплоть до их окончательного поражения.

Глава 5. СЕМЯ АВРААМА

Патриарх Авраам, избранник и друг Господа, который вывел его из Ура Халдейского (Быт 11, 31), чтобы даровать его потомству Землю Обетованную в Ханаане (Быт 12, 7), был подвергнут испытанию: Яхве потребовал, чтобы он принес в жертву сына своего Исаака (Быт 22, 1-18). За покорность воле Бога получил он благословение: «... умножая умножу семя твое, как звезды небесные и как песок на берегу моря». Яхве обещает ему: «...и благословятся в семени твоём все народы земли за то, что ты послушался гласа Моего» (Быт 22, 17-18).

Следуя за библейским рассказом и древней еврейской традицией, Коран представляет Авраама, чье имя упоминается 69 раз, отцом и образцом всех верующих — покорных Богу (*Muslim*).

В Новом Завете, где Авраам занимает важное место, Иисус восхваляет его веру в грядущее искупление, а для апостола Павла он тот, кто «поверил Богу, и это вменилось ему в праведность. Познай же, что верующие суть сыны Авраама... верующие благословляются с верным Авраамом» (Гал 3, 6-9), ибо «он, сверх надежды, поверил

111

с надеждою, через что сделался отцом многих народов» (Рим 4, 18).

Часто иудейскую, христианскую и мусульманскую религии представляют под общим названием «монотеистические», т.е. как «философские или религиозные доктрины, которые допускают существование в мире лишь одного определенного Бога» («Словарь» Лаланда). Это определение четко отделяет их от политеизма (множественность богов), пантеизма (монизм бытия) и атеизма. Но в нем не раскрывается философское понятие Единого у Платона и Единственного в Библии, не учитывается уникальность исторического избранничества Израиля волей Яхве, одинокое величие Аллаха и тринитарного Бога - Отца, Сына и Святого Духа - христиан, учеников Иисуса.

ЕВРЕЙСКАЯ РЕЛИГИЯ*

1. Один и Единственный.

Еврейская религия основана на вере не в Одного, а в Единственного. Речь идет не о теоретическом тезисе, а о сотериологическом опыте Израиля. Открыв себя в относительности Истории, Яхве предстал единственным возможным Освободителем для народа, избранного уникальным образом. Израиль не является завершением некой специфической монолатрии, т.е. единства прежде всего культового: в библейских текстах об открытии Моисею этого никак не прочитывается. Все

* Андре Манаранш и Анри Казель.

112

покоится на понятии избранности, в силу которой одному народу дарована миссия в масштабах всей вселенной, а не для внутреннего применения. Еврейский монотеизм - всего лишь абстрактное обозначение конкретной связи с Богом, суть которой заключена в Завете. В Библии это выражено языком скорее описательным, чем онтологическим. Яхве является единственным Спасителем Израиля. С первого взгляда эта связь, благодаря которой Бог был узан и признан, представляется ограниченной и даже произвольной (не оправданной разумом) — к великому негодованию европейских просветителей, начиная со Спинозы. Иудейская нация своим провиденциальным, непостижимым для человека существованием утверждает Бога, который сказал: «Я с тобою; и сохраню тебя везде, куда ты ни пойдешь; и возвращу тебя в сию землю, ибо Я не оставлю тебя, доколе не исполню того, что Я сказал тебе» (Быт 28, 15). Завет — связь с Одним, как в моногамном браке, который служит для него символом. Другие народы также могут вступить на путь, ведущий к мировому полюсу — Иерусалиму. Итак, мы имеем дело с центрированным универсализмом. Израиль радуется тому, что отличается от других, поскольку имеет единственного Бога, но надеется осуществить свою миссию: можно сказать, что его исключительность инклюзивна. Рожденная учением об искуплении, эта вера отражается на творении. Еврейский монотеизм не следует смешивать с язычеством, в котором может быть и один Бог. В Библии прославляется особая, реальная и конкретная единичность: уникальность Бога, сначала заключив-

113

шего договор со своим внутренним содержанием (Розенцвейг) и воззавшего затем - вовне - к столь уникальной общине, которая отвечает ему.

2. Бог человека.

Библейский Бог возникает как «Бог Авраама», а затем становится «Богом Израиля». Отсюда все многократные обещания (Быт 12, 2 и сл.; 15, 13—16; 17, 3 и сл.; 26, 2—5...) Бога, который говорит с человеком, заверяет в своей готовности помогать ему («Я буду с тобой»), обещает многочисленное потомство, владение землей и процветание. Способ, каким Библия и ее Бог укрепляются в политеизме начала 2-го тысячелетия до н.э., показывает, что библейский Бог был воспринят как «я», которое обращается к другому «я», обладающему разумом и свободой выбора. Позднее он станет нравственным Богом для Моисея и затем национальным — для Саула и Давида.

3. Бог жизненной силы.

В самом древнем пласте Пятикнижия *эль* (*Элохим*) Авраама назван YHWH, что, несомненно, должно читаться как Яхве. Во времена Моисея в этом имени найдут корень «быть»; многие исследователи все еще спорят о звучании этого корня. Другие видят в этом имени местоимение «мой» — вавилонское *yaum* или *yau*, которое на западе превратилось в *yoi*, *yaw* или *yû*. Именно в таком качестве говорит он с Адамом и Евой, отдает им приказы и судит человека, когда тот прислушивается к иным голосам. Он - сила, дающая плод чрева (Быт 30, 2), и Ева обретает сына от Господа (Быт 4, 1). Жизненная сила — атмосфера, в которой живые

уча-

114

ствуют дыханием своим — полностью ему подвластна (Быт 3, 8; 6,3). Этот Бог принимает дары от плодов человеческой деятельности, но он ими не связан (Каин и Авель). Он защищает жизнь человека, даже когда земля отвергает убийцу (Быт 4, 15). Он дает человеку умереть, но обещает жене его, что потомство их одержит победу над силами смерти (Быт 3, 15). Он дает человечеству погибнуть в водах Потопа, но милует Ноя, от которого принимает затем всесожжение на жертвеннике. И устанавливает навсегда смену времен года, потому что «...помышление сердца человеческого — зло от юности его» (Быт 8, 21...). Наконец, он не дает свершиться честолюбивым планам размножившегося племени людского и рассеивает его (Вавилонская башня): только в Аврааме и его потомстве готов он благословить все семьи земли (Быт 12, 2—4).

4. Бог-отец, Бог отца, Бог отцов.

Личный Бог Авраама не отделяет любимца своего от остального человечества. Приняв подношение Авеля и всесожжение Ноя, он открывается Аврааму в древних святилищах: дубрава Море, дубрава Мамре. Верный Авраам в ответ возводит жертвенники (Быт 12, 7...) и называет Бога YHWH. Однако большинство культовых действий в Ханаане совершается под именем Эль (Быт 14, 19; 21, 33 и т.д.). Действительно, в Месопотамии к личному Богу часто зывали, используя это слово (*ilu*). Но в Ханаане это имя верховного Бога, без разрешения которого ни одно божество не должно иметь жертвенника. Эль далек, но милостив. Он был «Богом-отцом». Поэтому Авраам мог без труда узнать в своем Боге атрибуты и имя вер-

115

ховного Бога жителей Ханаана, среди которых поселился. Но этот Бог не был связан ни с местом, ни с космическими явлениями, ни с политическими силами, ни с плодородной жатвой, ни с целительными источниками, хотя верного своего слугу он может излечить (Быт 20, 17), даровать ему обильный урожай (Быт 26, 12), многочисленные стада (Быт 13, 2) и даже «города врагов» (Быт 22, 17). Лишь однажды встречается намек на «справедливость Бога» (Быт 19, 25), и никогда не упоминается «святость» (*qds*), поскольку это означало бы слишком отдалиться от человека той эпохи и присущего ему поведения.

«Бог-отца» признает «Богом отца своего» не только Исаак (Быт 26, 24), но и Иаков (Быт 28, 13; 31, 53). В политеизме Бога своего отца призывают, чтобы сделать более надежным какое-либо обязательство. В Библии это личный Бог отца (Авраама), который становится личным Богом сына или внука, чтобы соединить их в общей вере в общего Бога. Позже именно «Бог отца» благословляет Иосифа (Быт 49, 25) и Моисея на святой горе (Исх 3, 6). Но посылает того же Моисея освободить сынов Израиля уже «Бог отцов». Бог Авраама, а затем Исаака и Иакова признается Богом всего их потомства, ставшего народом, в котором благословятся все племена земли (Быт 12, 3). Бог Моисея и пророков это владыка природы и глава своего народа, поведение которого он определяет в завете, данном на горе Синай.

5. YHWH — «нравственный Бог», ибо он

требует выполнения обязательств от избранного им народа - будь то обряды (Исх 34, 10-26) или Десять

116

заповедей (Исх 20). Эти распоряжения налагают в самом чистом виде моральную ответственность, которую способны принять цивилизации 2-го тысячелетия: почитание личного Бога и отказ от культа всех других божеств, уважение к ближнему — как к нему самому, так и к его семье и имуществу. Этот Бог всегда уважает человеческую свободу, которая проявляется в многочисленных «бунтах» в пустыне.

Он защищает свой народ при условии верности слову его, он «долготерпеливый и многомилостивый», «...прощающий беззакония» (Исх 34, 6 — Числ 14, 18). Он возьмет на себя функции Бога-воителя (Числ 21, 14-Исх 17, 8-13).

Старые божества — космические (ветры) или местные (*Безр-лахай-роу*, Быт 16, 13-14) - становятся отныне лишь «ангелами» Господа, иногда вестниками (*male akim*) слова его, подобно гонцам той эпохи или низшим божествам. Языческие божества не умрут и, даже если создается впечатление, что они умерли, появятся вновь. С еще большим основанием Бог Израиля предстает Богом вечным. Ему поклоняются, его восславляют и соблюдают божественный завет, скрижали которого он торжественно вручил Моисею на горе Синай.

ХРИСТИАНСКАЯ РЕЛИГИЯ*

Христианская вера отличается от иудаизма в первую очередь своим утверждением, что Иисус, буду-

* Жозеф Доре.

117

чи истинным человеком, одновременно является истинным Богом. Не ставя под сомнение высшую сущность Бога, она утверждает, что он сам явился людям, вмешался в ход их собственной истории: совершенно другой Бог поистине предстал как Еммануил - «с нами Бог» (Мф 1, 23), позволив признать себя в качестве такового жизнью и страданиями, смертью и воскресением *Иисуса из Назарета*, сына Девы Марии. Иисус — это инкарнация Бога, Бог в «позиции» Сына. Христианин исповедует мультиперсонификацию Бога: для него Бог - это Отец, Сын и Святой Дух. Через Иисуса Христа Отец послал людям Дух свой, который сделал их «причастниками *Божеского естества*» (2 Пет 1, 4), одновременно открыв им свою собственную божественную природу. Это «причастие», которое используется восточной традицией в ее теологии благодати, означает действительное приобщение — в качестве приемных сыновей — к самой жизни Бога. Во имя Бога Иисуса Христа христианин отвергает любое безличное, политеистичное или пантеистическое божество, утверждая, что нет Бога, кроме *Бога*, и заявляя, что *любой человек* призван соединиться, оставаясь человеком, с жизнью Бога, обладающего тройной святостью - и тем самым втрое более близкого.

1. «Разделяющий» догмат.

Не одни только христиане верят в Бога, который открывает себя людям, активно действуя - из любви к ним - ради их спасения. И не только христиане исповедуют *отцовство* Бога, признавая тем самым свое *сыновнее*

родство с ним.

118

Отличает христиан утверждение, что сыновнее родство реализуется с *самом Боге*: и это отнюдь не наносит ущерба его единству или, скорее, единичности — напротив, определяет и характеризует его в присущей ему тройной ипостаси Отца, Сына, Духа Святого.

Некоторые исследователи пытались оспорить оригинальность христианства, но доводы их нельзя признать убедительными. К примеру, наличие в индуизме триады Вишну, Шива и Брахма не дает оснований говорить о сходстве и тем более равенстве, даже если при этом ссылаются — значительно расширяя перспективу — на авторитет Ж. Дюмезиля, который открыл значение трехчастной структуры для концепции мира и общественного устройства всех индоевропейских народов. Ибо христианская Троица не имеет отношения к политеизму и тем более к общественному устройству — речь здесь идет о *Боге* и при этом Боге *единственном*.

Равным образом попытки сближения с умозрительными построениями Гегеля свидетельствуют о весьма приблизительном знании этого философа и христианской веры. Нет никакого равенства между христианской Троицей и формой, которую принимает у Гегеля Абсолютная идея в завершение системного развертывания целой концептуальной диалектики: саморазвитие Концепции никак нельзя приравнять к откровению Того, кого христиане признают в качестве живого и единственного Бога!

По правде говоря, тринитарный догмат настолько характерен для христиан, что выделяет их даже среди прочих «религий откровения» — удобное вы-

119

ражение, которое позволяет, хотя и весьма приблизительно, объединить в одну группу христианство, иудаизм и ислам. Иудаизм сохранился, не признав Иисуса и порожденное им христианство, именно благодаря своему отказу — по крайней мере в религиозном смысле — поставить под сомнение монотеизм Яхве, осмысляемый в жестких понятиях традиции Моисея. Что касается ислама, вполне достаточно его исповедания веры («Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк его»), чтобы убедиться, сколь решительно отказывается он принять божественность Иисуса и христианской Троицы.

2. «Соединяющий» догмат.

Догмат о Троице, коренным образом отделяющий христиан от нехристиан, соединяет их между собой столь же крепко, невзирая на все отличия.

Конечно, православные не соглашались с введенной в символ веры Никейско-Константинопольским собором (конец 7 в.) формулой *Filioque* (лат. — и сына). Ибо они не допускают, что Дух «исходит (или ведет свое происхождение) от Отца *и от Сына*», как утверждается в этой формуле, но стоят на том, что Дух исходит от Отца *через* Сына. С другой стороны, протестантские церкви, особо выделяющие жертвенный и возмещающий характер искупления, но отнюдь не склонные признавать церковное посредничество при оправдании грешника, настаивают на том, что центральное место занимает *Сын*, воплощенный в Иисусе, распятом на кресте за грехи наши и воскресшем для оправдания нашего (Рим 4, 25). Восточная традиция всегда и во всем (от теоло-

120

гии благодати — осмысляемой скорее как обожествление, чем оправдание, — до теологии святых даров) отдавала предпочтение пневматологии (рассуждение о Пневме = *Духе*).

Как бы там ни было, указанные выше доктринальные разночтения и разногласия не затрагивают общей веры христиан в основной догмат христианства.

3. Познание тайны Бога и Иисуса Христа.

Христианство не формулирует проблему познания Бога только в плане *доступа человека* к некоей Реальности, которая выше его по определению. Христианство проповедует *приход самого Бога* к людям. Откровение Бога людям впервые нашло отражение в Ветхом Завете посредством Завета, данного народу Израиля и иудейской религии; но кульминации оно достигает в Иисусе Христе. Отныне Бога уже не нужно искать «на ощупь» (Деян 17, 27); более того, он уже не довольствуется тем, что его узнают через *посредников* — людей (царя, пророка, мудреца, жреца), хранителей его Духа и в силу этого исполнителей его воли, глашатаев его истины, свидетелей его мудрости и святости. В Иисусе Христе он явил и открыл себя *сам*, оказавшись в центре человеческой истории. Он пришел к людям, стал одним из них — Еммануилом («с нами Бог»),

Множественность в Боге. Будучи истинным проявлением и даже воплощением Бога, Иисус Христос всегда определяется — как в своем земном существовании, так и в пасхальной судьбе (Воскресение) — относительно Другого. Этого Другого он именует От-

121

цом и представляет себя его Сыном — в совершенно особом смысле, поскольку он может быть признан Богом лишь как часть того, кого в Ветхом Завете называли Яхве... но кто отныне не может определять себя Богом независимо от Иисуса Христа. Отсюда возникает напряженность, двуполярность *самого Бога*, ибо Бог действительно пребывает «в Христе», однако Христос осмысляет себя относительно «реального Бога», каковым он не является. Это отношение Иисуса к божественному Другому делает последнего Отцом, тогда как Иисус Сын Человеческий — не просто человек и не целиком Бог. Он *истинный Бог в своем качестве Сына Божьего*.

Признание двуполярности привело к утверждению тринитарности Бога, когда первые христианские сообщества осознали, что — *mutatis mutandis* (лат. — произведя соответствующие изменения) — они должны сказать о Третьем то же, что изначально было сказано лишь об одном Иисусе Христе. Исполняющий чисто божественную функцию воскресения и освящения верующих как в силу собственной власти, так и в силу постоянной зависимости от Христа и Того, кого Иисус называл своим Отцом, Третий был также признан *Богом*, неразрывно связанным с Отцом и Сыном, которые уже обрели существование в Боге. С учетом

сходства этих функций и проявлений с теми, которые в Ветхом Завете приписывались Духу Бога, вошло в обычай именовать *Дух* Отца и Сына Духом Любви, Духом Святости и, наконец, Святым Духом. Этот Третий был явлен в Боге посредством откровения, совершенного через Иисуса и в Иисусе — Христе.

122

Тайна Бога. Свершив откровение в Иисусе Христе Сыне и посредством Святого Духа, Бог христианской веры, открывший тем самым и себя, предстает одновременно и в нерасторжимом единстве как Отец, Сын и Святой Дух. Он не только дан откровением, но также само откровение, данное в Иисусе Христе, а в Святом Духе — тот, посредством кого дано познание откровения как такового. Кальвинистский теолог Карл Барт неоднократно подчеркивал этот фундаментально тройственный характер откровения как такового. А католический теолог Карл Ранер четко выделял тот факт, что при осмыслении Троицы следует непременно учитывать тесную связь между сущностью Бога и откровением, данным им о себе *ad extra* (лат. -вовне).

Высшего изумления достоин *сам этот факт*. Бог открывает себя откровением и приходит к людям, пребывая среди них в Иисусе Христе и в них — через Святого Духа. Определение Бога как «тайны» или признание «тайнства Святой Троицы» означают не только осмысление Бога в качестве Реальности, недоступной для человека и непостижимой для его разума. Он не просто *неведомый* Бог (*Deus absconditus*). Именно в момент откровения предстает Бог во всей полноте своей тайны: «Кто же этот Бог, чтобы так нас любить?» Основополагающий ответ христианской веры гласит: *Бог есть любовь*. Непостижимость тайны проявляется не только в бессилии чистого разума. Она требует от человека принять *решение о вере* в любви: «лишь любовь достойна веры», и лишь вера достойна любви. Ничто не может «объяснить» и «разумно обосновать» человеческую

123

любви: в гораздо большей степени это относится к любви Бога - Любви. Непостижимость Бога состоит не только в том, что он Бог и как бы Бог. По правде говоря, тайна его в том, что, будучи Богом, он пришел к людям с истинным откровением-извещением. Откровение не «постижимо» как потому, что вызвано любовью, так и потому, что при его посредстве Бог открывает себя в качестве Бога. Это откровение Бога, который *есть* Любовь — *и* любовь, которой он *нас одаряет*. Вот в чем состоит данная *откровением* тайна Бога.

Троица и единство Бога. Подобное откровение можно постичь лишь верой. Если нельзя доказать с помощью одного разума, что Бог открыл себя, следует признать, что он — Троица. Тем не менее, *когда* вера принимает это откровение, она дает уму «объект», вызывая тем самым к осмыслению его. Именно теологии надлежит углубиться в размышления о вере и в вере, главное предназначение которой в том, чтобы быть *rationabile obsequium* (лат. — разумным служением) (Рим 12, 1).

4. Церковь.

Иисус Христос исторически является основателем организованного сообщества своих учеников, которые впервые были названы христианами в Антиохии. Церковь — это общность тех, кто верит в Христа и принял крещение, зримым образом соединившее их с Христом. Они составляют, по слову апостола Павла, его живую плоть. Он — голова этого тела. Дух - его душа. Они - члены его. Он приобщает их к своей жизни и своей личности

124

посредством святых даров — действенных и исключительных знаков своей любви, символом которой является евхаристия.

Евхаристия — благодать, памятник Воскресению, реальное присутствие Христа в виде хлеба и вина, освященных рукоположенным в сан священником, источник, центр и вершина религиозной жизни, являет собой залог жизни вечной в небесной Церкви, с Девой Марией и всеми святыми согласно обещанию Иисуса: «Я — хлеб живой, сшедший с небес... Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день» (Ин.6, 51, 54).

Для всех поколений Иисус Христос это путь, истина, жизнь. Чтобы вести их за собой, он избрал двенадцать апостолов во главе с Петром, преемником которого является папз, епископ Рима, окруженный другими епископами. В заботе о народе Божьем они осуществляют служение свое, проповедуя Слово Его (Священное Евангелие), освящая его (посредством евхаристии) и управляя им. Вселенские соборы представляют собой высшее выражение их наставнической миссии на службе единой, святой, католической и апостольской Церкви, которая, по словам Боссюэ, есть распространившийся по градам и весям Иисус Христос. Бог «хочет, чтобы все люди спаслись», утверждает святой Павел (1 Тим 2, 4). Церковь освящает спасение через все времена. По завершении времен Господь вернется, чтобы судить живых и мертвых и собрать огромный народ Божий в своей блаженной вечности. Церковь станет тогда небесным Иерусалимом. И *будет Бог все во всем*

125

(1 Кор 15, 28). Древняя мечта человечества осуществится, и живущая в сердце человеческого надежда исполнится, превзойдя все ожидания: *Они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их, и отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежде прошло*. Так говорится в пророческом видении святого Иоанна (Откр 21, 3-4).

Пока же, в ожидании и в заботе о вечности, Церковь есть Царство надежды, которая есть вера в любовь. Послание ее есть послание Христа: *Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостью твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя* (Лк 10, 27). Призвание христианина есть призыв и разделение дара Бога, ставшего человеком в Иисусе Христе: благодать жизни во всей полноте человеческого существования, в радости сознания любви Бога и приближения к этой любви во всей полноте ее тройственной общности.

МУСУЛЬМАНСКАЯ РЕЛИГИЯ*

Вслед за пророком Мухаммедом (ок. 570—632) *мусульмане (muslimûn), подчиняясь Богу - Аллаху* (слово *ислам* означает *покорность*), верят, что тем самым воздают Ему почести и славят Его как Творца и Владыку. Объединение этих верующих (*muslimûn*), непримиримых монотеистов, представляет собой

* Морис Борманс.

126

материнскую общину - умму (umt) означает *мать*), которая обучает их и кормит, влияет на них и руководит ими, поддерживает их и прославляет: *она является унитарным обществом*, где все вместе и каждый в отдельности ощущают себя друзьями и братьями, несмотря на многочисленные расовые, языковые и культурные различия. За четырнадцать веков ислам получил широкое распространение в Азии и Африке, образовав также устойчивые диаспоры в Европе и Америке.

У мусульман есть определенная *цивилизаторская миссия* - создание идеального города, о котором они мечтают с самого начала. Одновременно они живут в рамках *религиозной миссии*: поиски Лика Божьего и провозглашение должных Почестей Единственному способствуют укреплению личных и общественных добродетелей.

1. Ислам и его цивилизаторская миссия.

Всюду, где мусульмане образуют крупные сообщества, ислам — в одно и то же время и *религия и государство (din wa-dawla), культура и цивилизация*. Происходит это в силу того, что мусульманам чуждо различие между светским и духовным: они почти всегда стремятся создать свой *особый мир*, в котором мусульманин будет чувствовать себя как дома в любой исламской стране. И современным националистам не удалось истребить это чувство мусульманской общности, ибо сказано, что *«вы были лучшей из общин, которая выведена пред людьми»* (Коран 3, 106 (110)). В этом обширном *религиозном интернациональном сообществе (Umma)* все верующие мусуль-

127

мане соединены узами братства - особенно в такие периоды коллективной экзальтации, как месяц рамадан и дни паломничества в Мекку.

Мусульманская эра начинается с побега Мухаммеда (*Хиджра*) в 622 г. из Мекки в Медину, что совпадает с рождением *первого исламского государства* во главе с Пророком, поскольку он - халиф (khalifa) Господа. Не означает ли это, что, по мнению многих, религиозная миссия, изложенная в *проповедях Мухаммеда*, неизбежно получит конкретное воплощение и превратится в *цивилизаторскую миссию*, согласно которой политика и право должны непосредственно зависеть от Закона, данного откровением Бога? Отсюда берет начало коллективная воля мусульман создать, наконец, на земле *идеальный мусульманский город*, «обитель покорности и справедливости», которой противопоставляется «обитель безбожия и войны». Никто не посмел бы отрицать или опровергать тот факт, что ислам породил сакральные общества в исторически многообразных формах сменяющих друг друга халифатов и династий. Но сделанный на основании этого вывод о том, что государство в Медине (Мухаммеда и четырех «правоверных» халифов, 622—661) служит прототипом любого исламского государства и остается образцом на все времена и в любых местах, породил проблему, которая стоит в центре нынешних споров между *мусульманами-традиционалистами*, или *фундаменталистами*, с одной стороны, и *мусульманами-реформистами*, или *секуляристами*, — с другой.

128

2. Ислам и его религиозная миссия.

Ислам представляет собой прежде всего и по преимуществу некую *религиозную миссию*, согласно которой каждый человек является «свидетелем Господа» и его «службой». Религиозность мусульманского общества и его членов — факт очевидный и иногда удивляющий. Религия определяет все аспекты жизни и любые поступки человека. Каждый гордится этим, поскольку принимает участие в торжестве *прав Господа (huqû q Allâh)* и законов ислама в светском обществе — во имя общего для всех долга *творить добро и изгонять зло*. Религия социальна: общей экзальтации сопутствует принуждение. Но в высшем смысле ислам - это *великое личное странствие*, в ходе которого верующий, по примеру Мухаммеда, стремится исполнить *Слово Божие - Коран*, демонстрируя *доверчивую покорность (islam)*, выраженную в одном из самых простых *кредо (исповеданий веры)*, в требующем больших усилий *культе*, в соответствующем Закону и внутреннему *религиозному чувству поведению*, приближаясь тем самым к мистическому постижению Тайны. Ислам - монотеизм Авраама, воспринятый Мухаммедом из библейских текстов о Моисее и Христе, это вера в единого Бога и подчинение Его приказам. Величие человека определяется этим свидетельством и этим служением: *«Свидетельствую, следовательно, существую»*.

По примеру Авраама, Моисея, Иосифа, Иисуса и его учеников мусульманин прежде всего считает себя *покорным Богу (muslim)*: *«Поистине, религия пред Аллахом - ислам»* (3, 17 (19)). Изначальный монотеизм «созданной природы» (*fitra*), исповедуе-

129

мый арабскими *ханифами* и воспринятый Мухаммедом, представляет собой не что иное, как развитие того *предвечного договора (mithâ)*, согласно которому уже сыновья Адама признали, что *Он - их Господь* (7, 172). Отсюда полное подчинение Творцу: *«Положись на Аллаха! И довольно поручителем Аллаха!»* (4, 83 (81)). Только Господь «дарует защиту» (*tu'min*) и позволяет верующему сказать: *«Помощь моя только у Аллаха; на Него я положился и к Нему обращаюсь»* (11, 90 (88)).

За это Бог дарует верующему три опоры: Свое Слово — *Коран*, Своего Пророка — *Мухаммеда*, Свое Сообщество — *Умму*. Над ними следует размышлять, им следует подражать, у них следует просить совета. Черпая ежедневное пропитание из этого тройного источника, мусульманин может жить своей *верой (imân)* — *простой, монолитной и безусловной*. Он провозглашает *единство, величие и славу Бога* на все времена, не желая сопрягать с Ним что-либо и кого-либо. Поэтому монотеизм христиан вызывает у него большие

подозрения. Он размышляет над 99 Прекраснейшими Именами Бога, но отказывается вопрошать Его о последней Его сущности. Он верит в *ангелов, демонов и джиннов*. Он почитает всю *Пророческую Традицию*, начавшуюся от Адама и дошедшую до Мухаммеда через Авраама, Моисея и Христа. Он признает Тору, Евангелия, Псалтирь и Коран, хотя не обращается к первым трем священным книгам, поскольку первые две подверглись искажениям, а третья не содержит никакой новой веры. Он знает, что история однажды завершится и что Воскресение, Суд и Загробная

130

Жизнь (Рай или Ад) являют собой *сверхуниверсальную эсхатологию*, в которой восторжествует всемогущее Милосердие Господа, *лучшего из прощающих* (7, 154 (155)).

Покорное служение Всемиловитивейшему Богу покоится на *строгом культе*, который мусульманин совершает во славу Его с момента совершеннолетия до дня «безропотной» смерти: *исповедание веры (shahāda)*, *ежедневные молитвы (salāt)*, *пост (sawm)* в месяц рамадан, *милостыня обязательная (zakāt) или добровольная, паломничество* в Мекку (*hajj*). Простые и ясные обряды исполняются индивидуально или в едином порыве всем обществом, которое единодушно соблюдает пост или отправляется в совместное паломничество к Местам Откровения. Эти обряды требуют глубокого проникновения, в котором вдохновенные приверженцы *суфизма* видят первые этапы странствия к Богу, тогда как ревностные ортодоксы делают акцент на привычных вершинах мусульманского учения о Боге. Помимо истового отправления культа и безоговорочного подчинения Закону, некоторые мусульмане сумели вступить на аскетический путь очищения сердца: сначала *покаяние (tawba)*, затем *лишения (zund)* и, наконец, *отрешенность (tawakkul)* позволяют достичь высшего познания Бога (*ma'rifa*), где *близость (qurb)* и *встреча (liqā)* дают возможность узреть видение, как говорится об этом в самом Коране: «*Лица в тот день сияющие, на Господа вззирающие* (75, 22-23), ибо *Аллах - свет небес и земли... Свет на свете! Ведет Аллах к Своему свету, кого пожелает*» (24, 35). Это было привилегией мистиков, к которым ортодоксальный ислам

131

часто относился с подозрением и иногда осуждал: бесконечное расстояние, отделяющее верующего от Бога, никогда не будет преодолено, ибо культ - это всего лишь служение, вера, свидетельство, а жизнь — подчинение. Однако Бог умеет приблизиться к Верующему, известить его о Своем удовлетворении и осыпать Своими милостями. Станным величием обладает эта трансцендентальность, увлекающая человека на поиски Лица Бога и на прославление Его Прекраснейших Имен! Внешне Бог не дает ему проникнуть в Свою Тайну, но вместе с тем делает его достаточно великим, чтобы он мог стать ее Свидетелем.

В мусульманской концепции Бога подчеркивается его величие. Это характерное и уникальное величие, прославляемое Кораном, и особенно в стихе о троне (2, 256 (255)), порождено абсолютным одиночеством, присущим только Аллаху. Библейский бог, в противоположность ему, желает поделиться даже святостью своей: «Святы будьте, ибо свят Я Господь, Бог ваш» (Лев 19, 2). Он создал человека «по образу Своему», «по образу Божию» (Быт 1, 27; 5, 1—3). Этим он кардинально отличается от Аллаха, о котором в Коране говорится: «Нет ничего, подобного Ему» (42, 11).

Заключение. СПАСЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА И БУДУЩЕЕ РЕЛИГИИ

СПАСЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Вопрос о спасении, каким бы образом его ни формулировали, относится к числу основополагающих для каждого индивида и для всей истории человечества. Б качестве ответа религии предлагают различные видения судьбы человека и будущего мира. Факт очевиден: у истоков всех концепций спасения находится более или менее глубокая неудовлетворенность реальными условиями существования.

Есть философские, мистические и религиозные системы, которые усматривают возможность спасения лишь в *согласии* — более или менее безропотном и безмятежном - с подобными условиями, предлагая считать их в конечном счете нерушимым «порядком вещей». По такому пути идут стоики или склонные к стоицизму, а также те, кто признает данный порядок вещей созданием Бога, творца мира и суверенного владыки истории. Этот подход присущ многим формам провиденциализма и - в сфере собственно религии — исламу. Такой вид предлагаемого спасения требует прежде всего постоянного обуздания желаний. Рассчитывать на действительное и долговечное их исполнение можно лишь с большой осторожностью - по крайней мере в тех случаях, когда отсутствует или едва вырисовывается теологическое религиозное измерение. Короче говоря, есть окончательное спасение, но о полном говорить трудно.

Согласно другому подходу, решение можно найти с помощью уловки, ускользая от угроз и испытаний, выражая

133

недовольство или протестуя против них. Тогда спасение предстает как *разрыв* с изначальными неудовлетворительными условиями и с тем, что осознается как их причина. Гностики и спиритуалисты выступают против материи и тела — особенно же сексуальных отношений. Вследствие этого они тысячами разных способов пытаются добиться, в зависимости от каждого конкретного случая, либо их полной релятивизации, либо окончательного отказа от них или даже тотального уничтожения. Здесь спектр очень широк: речь идет о некоторых формах платонизма, многочисленных метафизических - деистических или «аскетических» - запретах, маргинальных (катары) или постоянно возрождающихся (манихейство) течениях. Этот второй подход выдвигает на первый план освобождение и избавление, причем внимание концентрируется — в проблематике спасения — на том, что составляет негативную сторону. Буддизм в особенности, а теперь и брахманизм выбрали именно это направление. Речь идет о том, чтобы вырваться из цикла вечных рождений и, следовательно, из вселенной непостоянства. Это предполагает освобождение от кармы, порожденной желаниями, которые и являются изначальной причиной всех страданий. Отказаться, насколько это возможно, от желаний и означает достичь истинного *окончательного* спасения. Однако с буддистской точки зрения ни одно «Я» истинного спасения обрести не может. Буддистское спасение, которое состоит в конечном счете лишь из открытия и реализации *anattā* (безличности всех вещей), может быть лишь сферой радикальной пустоты.

Христианская вера также определяет спасение как освобождение — *избавление*. Однако она придает большое значение этому аспекту: проповедуемое ею спасение также имеет - в позитивном смысле - характер свершения, некой *полноты*. В данном случае особо понятными и поучительными являются различия, выраженные в немецком языке. Христианское спасение есть *Erlösung* -отстранение и избавление, разрыв и освобождение. Но оно также He/7 - цветущее здоровье и расцвет жизни, полнота и свершение.

Подобное спасение будет *окончательным и полным*, окончательным как полным, лишь когда произойдет воскрешение мертвых. Но в тех, в ком начался его путь, оно началось *оконча-*

134

тельно: они уже начали становиться тем, кем будут. И обретает оно плоть для людей и в людях в силу того, что Бог, умерший и уже воскресший в Иисусе Христе, *окончательно* провозгласил человеку и его миру «Согласие и Благословение».

Не следует опасаться, что по *окончательном свершении* спасения, спасенные при самом исполнении их желания утеряют — поскольку Бог будет «все во всем» (1 Кор 15, 28) - свою идентичность, обогнав самих себя. Ибо никогда не сравнятся они с совершенно иным милосердием (*mettā-karunā*?!), которое *предб*удетечно ради их спасения, а потому будут по-прежнему познавать его благодать, славить и принимать его во всей полноте. Они пройдут, как говорил Ориген, «от начал в началах до начал, которые никогда не завершатся».

ЕДИНЕНИЕ И ПРИМИРЕНИЕ

Христианское спасение состоит в пожизненном единении с Богом, который един в трех лицах - Отец жизни, воплощенный, умерший и воскресший Сын, живительный Святой Дух. Оно включает в себя латинское (более присущее Павлу) понятие оправдания и греческое (более присущее Иоанну) понятие обожествления. Это дарованная, разделенная и переданная ради людей и мира благодать. Как искупление и освобождение спасение есть примирение.

Слово «спасение» напоминает о разлуке, которой кладет конец, о разрыве с Богом - плод греха, нуждающийся в прощении Бога. Но человеческое существование отмечено другими разрывами, отчего рождается надежда на спасение в форме примирения. В немецком языке есть чрезвычайно выразительный термин для возможного примирения с *Богом*: оно называется *Versöhnung*, т.е. восстановление «сыновнего родства» (*Sohn* = сын). Примиряя людей с Богом, спасение подтверждает все prerogative сыновнего родства: дар жизни, совместное существование, право на постоянную заботу и защиту, преимущество наследования. Но если говорить о сыновнем родстве по отношению к отцу, следует говорить о братском родстве всех, кто признает такое отцовство. Спасение как примирение

135

с Богом влечет за собой примирение с братьями - примирение в любви и взаимном уважении *с другими людьми* в огромных областях политической, социальной и экономической жизни посредством культурных обменов, создания семейных, национальных и интернациональных сообществ.

Обретя примирение с Богом и своими братьями, человек религиозный примиряется также *с природой*, положив конец беспорядочной эксплуатации природных ресурсов и постоянному ухудшению окружающей среды. Осуществив это, он сможет пребывать в мире *с самим собой* — освобожденный от тревог, не огорчающийся более собственными недостатками и заблуждениями, безмятежно принимающий реальность, в которой черпает мужество и покой, ясность мысли и любовь.

Наконец, наша эпоха вызывает к *примирению религий*. Столкнувшись с современностью, религии - зачастую непримиримые друг к другу - пытаются наладить диалог и заменить беспощадную конфронтацию мирными дискуссиями и плодотворными отношениями, разное далекими как от безапелляционных претензий на истину, так и от трусливой робости в борьбе с современными формами атеизма, безверием и новейшим сектантством. На межрелигиозной конференции, состоявшейся в Киото в октябре 1970 г., собрались представители таких конфессий, как буддизм, христианство, индуизм, ислам, иудаизм и синтоизм. Папа Иоанн Павел II в ответ на приглашение Хассана II, короля Марокко и эмира правоверных, 19 августа 1985 г. произнес в Касабланке речь перед десятками тысяч молодых мусульман. Вот его слова: «Бог ждет от нас подчинения его воле по свободному выбору ума нашего и сердца, огражденных от внешнего принуждения. Невозможно использовать Бога в наших целях, ибо он превыше всего. Нельзя взывать к Богу, Отцу всех людей, без уважения к любому человеческому существу. Подчинение Богу и любовь к человеку должны привести к уважению прав человека».

Молитвенная встреча представителей разных *религий*, съехавшихся в Ассизи 27 октября 1986 г. по призыву Иоанна Павла II, стала еще одним шагом к диалогу и сотрудничеству.

136

Впервые в истории сикхи и индусы, евреи и мусульмане, синтоисты и буддисты, джайнисты и зороастрийцы, анимисты и американские индейцы собрались, чтобы вместе с христианами вознести молитву о мире. В своей приветственной речи папа подчеркнул значение этого беспрецедентного события: «Молитвенное собрание глав стольких конфессий само по себе есть призыв к современникам осознать, что существует другое измерение мира и другой путь к его процветанию, не зависящий от переговоров, политических компромиссов или торговых сделок. Этот путь - молитва, которая при всем разнообразии религий выражает связь с высшей силой, превосходящей наши человеческие возможности». Встреча в Ассизи свидетельствует о важнейшей роли религий в деле мира и знаменует собой новое сознание братства всех верующих.

4 августа 1987 г. в *Киото* Еита Ямада, хранитель храма Еракудзи на горе Хиэи, принимал представителей восьми крупнейших конфессий мира. По завершении этой новой молитвенной встречи в духе Ассизи участники ее выразили пожелание, чтобы религии более тесно сотрудничали в поисках мира посредством молитвы и предпринимали общие усилия во имя разоружения, защиты прав человека и помощи беженцам.

Эти события, вселяющие надежду на дальнейшее развитие диалога и межрелигиозного братства, не могут вместе с тем заслонить тревожную реальность: подъем религиозного фундаментализма — не только исламского, который привел к насилию, в частности, в Судане, но и в таких традиционно терпимых конфессиях, как индуизм. Следует неустанно распространять «дух Ассизи» ради достижения согласия и мира между народами.

Папа Иоанн Павел II обратился с таким призывом к представителям культурного и религиозного мира, собравшимся 14 апреля 1996 г. в президентском дворце в Карфагене (Тунис). Указав на опасность синкретизма и индифферентизма, он предложил мусульманам и христианам вместе идти дорогой истории - подобно братьям, обладающим одной верой в Бога Творца, в -котором верующие находят как свое личное происхождение, так и общую судьбу.

137

БУДУЩЕЕ РЕЛИГИИ

В основе любой религии лежит учение о сакральном - учение о живом общении с Трансцендентальным, Неизреченным. Несмотря на поразительную разнородность форм, религиозный феномен проявляется в своем природном единообразии, которое не поддается никакой редукции исторического, психологического, социально-культурного, экономико-политического плана. Человек религиозный сознает наличие абсолютной реальности - сакральную тайну присутствия незримого божества, открытую лишь жреческим кастам. Эта абсолютная реальность - иное Все, вечно живое и дарующее жизнь.

Религия связывает человека с этой реальностью: он входит в контакт с ней посредством ритуальных действий. Абсолютная истина наделяет смыслом его существование, упорядочивает хаос космоса и придает завершенность истории посредством мифов о рае и конце света: сакральное лежит в основе мира, живой контакт с ним делает мир цельным, общение с ним позволяет человеку одолеть зло и победить смерть.

Изначальная и универсальная вера в существование после смерти, представленная в незрелых и неполных формах (иудейский *Шеол* и греческий *Аид*, египетская замершая жизнь рядом с богами, индуистская реинкарнация, буддистская нирвана), находит свое высшее выражение в вере в Христа, добровольно разделившего дар свой с раскаявшимся грешником: «Ныне же будешь со Мною в раю» (Лк 23, 43) - в мире, радости и свете, лицом к лицу с Господом. «Верующий в Меня, если и умрет, оживет» (Ин 11, 25).

Религиозное чувство не утратило своей силы в Африке, Азии и Латинской Америке. Европа и Северная Америка, мучительно пытающиеся решить современные проблемы, вновь ощущают потребность в религии. Казалось, океан секуляризации полностью затопил западный мир. Но отдельные островки выжили. И сейчас волна отхлынула. Общество неверующих не может обойтись без веры. Возвращение сакрального происходит в старых и новых формах. Миллионы верующих несут *Обновление* христианским церквям. Отступление иссушающего душу

138

рационализма стало реквиемом по новейшей эпохе *Просвещения (Aufklärung)*, сциентизма и марксизма. Агностицизм, скептицизм, индифферентизм отступают перед новой потребностью в вере, помогающей

вырваться из-под душного колпака материализма. Горький опыт отсутствия Бога в пространстве, где властвовала жестокая идеология безбожников, заставил вновь открыть неизменную ценность его для человека, необходимость его присутствия для обретения смысла жизни, уникальность его как противовесия против смерти. Отсутствие Бога в культуре заставило вновь осознать жизненную важность его реального присутствия и после краха атеистического марксизма-ленинизма, критически переоценить предшествующие формы рационализма, будто бы органически присущие современности. Атеизм — это зима мира, вера — его весна (Пьер Эммануэль).

Трагический характер существования не исчерпывается удушающей имманентностью внутримирового пространства. Пристань религии, открытая на протяжении тысячелетий, принимает тех, кто готов плыть от берегов земли к незримому настоящему и будущему, чей голос возвещает сердцу смертного человека о бессмертной надежде: религиозная вера есть земная надежда на вечную любовь.

«На земле нет ничего интересного, кроме религии» (Шарль Бодлер). Это убеждение поэта, стоявшего у истоков современной эпохи, обретает при изучении религий неожиданную глубину.

Если отдельные конфессии умирают, религия как таковая, словно Феникс, возрождается из пепла вечно живой и истинно живой. Так называемые пророки смерти Бога умерли. Бог же, поскольку он Бог, умереть не может. Человек, созданный по образу его и подобию, связан с ним религией. Этой связью утверждается возможность таинственным образом жить с ним после смерти. «Без тайны, - говорил Габриель Марсель, - жизнь была бы невыносима». И добавлял: «Слова "я люблю тебя" означают веру в то, что ты не умрешь».

Широкое религиозное движение оказывает воздействие на народы, стремящиеся к самосохранению и боязливо вззирающие на будущее. Религиозное чувство, некогда оттесненное

139

на обочину и даже попираемое ногами, возрождается в полной силе. Столкнувшись с вызовом современности, в постсовременную эпоху религия возвращается. Сотни тысяч молодых людей обретают благодать молитвы в Тайне. В Ченстохове уже более миллиона их встретились с папой, в Маниле четыре миллиона воспевали радость веры, любви и надежды. В Париже в августе 1997 г. со время Всемирных дней молодежи около миллиона юношей и девушек приходили к Иоанну Павлу II в счастливой надежде на взаимопонимание. На улицах столицы царила всеобщая радость. Толпы людей выходили из метро, машин и заполняли проспекты, превратив ипподром Лоншан в многоцветный океан, колышимый волнами энтузиазма и страсти. Крестильная вода преобразила лица, в самом конце праздника радость сменилась подлинным ликованием: громовой овацией собравшиеся приветствовали Иоанна Павла II, который провозгласил Учителем Церкви Терезу из Лизьё - молодую женщину, монахиню ордена кармелиток, вестницу любви и надежды. Будущее уже кажется не таким, как после мая 1968 г.

Мир обновляется громадной надеждой — верой в любовь, любовь разделенную, любовь умноженную. В течение всего 2000 г. - Святого Года Великого Юбилея — десятки миллионов паломников, среди которых было множество молодых энтузиастов со всех пяти континентов, собрались на молитву в Риме и прошли через Святые врата великих соборов. Господствующая культура, для которой было характерно порожденное обществом потребления и секуляризацией отмирание религиозного чувства, получила подлинное духовное обновление, и на заре 3-го тысячелетия сообщества верующих вступили в этап нового динамичного развития. В наше время одиночества, магии и манихейства выразителем будущего становится *homo religiosus* - человек религиозный. Он убежден, что жизнь сильнее смерти, ибо она дарована любовью Бога, который стал человеком, чтобы человек стал. Богом, который умер и воскрес ради того, чтобы человек жил. Смертный человек открыт бесконечности, опытом сакрального бесконечно превосходит человеческое и неустанно любит Бога.

140

БИБЛИОГРАФИЯ

Poupard Paul. Dictionnaire des religions. 3e éd. revue et augmentée. 2 vol. de XV-2224 p., PUF, 1993.

- «Histoire comparée des religions» (Julien Ries).
- «Experience religieuse, Absolu, Mystique» (Michel Delahoutre).
- «Homo Religiosus, Religion du Paléolithique, Religion du Néolithique» (Julien Ries).
- «Divinité hittite» (Rene Lebrun).
- «Religion d'Egypte» (Jocelyne Berlandini, Pierre du Bourguet).
- «Religions de la Grèce antique» (Jean Servais, Andre Motte, Liliane Bodson).
- «Religion romaine» (Michel Meslin).
- «Religion étrusque» (Raymond Bloch).
- «Religions celtes et celto-romaines» (Jean Loicq).
- «Religions germaniques» (Julien Ries).
- «Croyances prechretiennes slaves» (Kalmann Sass).
- «Religions mesoamericaines» (Jacques Sousteile).
- «Hindouisme, Divin dans l'Hindouisme» (Michel Delahoutre).
- «Bouddhisme, Salvifique dans le bouddhisme» (Pierre Massein).
- «Tacisme» (Claude Larre).
- «Religions d'Afrique noire» (Andre Boulanger).
- «Religions australiennes» (Rene Bureau).

141

- «Dieu» (Andre Manaranche, Henri Cazelles).
- «Divin dans le christianisme, Trinité» (Joseph Dore).
- «Islam» (Maurice Borrmans).

Литература на русском языке

- Православная энциклопедия. Т. 1-5. М., 2000-2002.
Католическая энциклопедия. Т. 1. М., 2002.
Мень А. История религии. Кн. 1, 2. М., 2001.
Токарев С.А. Религия в истории народов мира. Изд. 4-е. М., 1986.
Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX - начала XX века. М., 1957.
Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1983.
Фрэзер Дж. Фольклор в Ветхом завете. М., 1985.
Шпажников Г.А. Религии стран Западной Азии. М., 1976.
Васильев Л.С. Истории религий Востока (религиозно-культурные традиции и общество). М., 1983.
Кривелев И.А. История религий. Очерки. В 2-х тт. М., 1975.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. ОТКРЫТИЕ РЕЛИГИЙ.....	11
Глава 2. «НОМО RELIGIOSUS».....	23
Глава 3. ДРЕВНИЕ РЕЛИГИИ.....	37
Глава 4. РЕЛИГИИ АЗИИ, АФРИКИ, АВСТРАЛИИ.....	85
Глава 5. СЕМЯ АВРААМА.....	111
Заключение. СПАСЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА И БУДУЩЕЕ РЕЛИГИИ	133
БИБЛИОГРАФИЯ.....	141

Поль Пупар Религии

Оформление серии *Пестрецовый А.А.*

Верстка *Поташевской Е.А.*

Корректор *Герман Г.И.*

ИД № 03510 от 15.12.2000

Подписано в печать 04.10.2002

Формат 70х90 1/32. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,26

Тираж 5 000 экз. Заказ № 3804

Изд. № 07/01-И

ООО Издательство «Весь Мир»

Почтовый адрес: 101831 Москва Центр, Колпачный пер., 9а Юридический адрес: 127214 Москва, ул. Софьи Ковалевской,
д. 1, стр. 52

Тел.: (095) 923-68-39, 923-85-68, Факс: (095) 925-42-69 E-mail: vesmirorder@vesmirbooks.ru:

<http://vesmirbooks.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати» 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Сканирование и форматирование: [Янко Слава](#) (Библиотека [Fort/Da](#)) || slavaaa@yandex.ru
|| yanko_slava@yahoo.com || <http://yanko.lib.ru> || Icq# 75088656 || Библиотека:
<http://yanko.lib.ru/gum.html> ||
update 26.10.05
